

Международная Академия Духовного Единства народов мира
Рязанская Государственная Радиотехническая Академия
Рязанское Армянское Культурное общество «АРАКС»

МАРТИРОСЯН

Гюлаб Арамович

ОФИЦЕРЫ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

В КОНЦЛАГЕРЕ ГОРОДА РЯЗАНИ

Рязань 2002

ББК. 63. 8/4/5/

М-29

Мартirosян Г.А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. - Рязань: Зеленые острова, 2002. – 116 с.

Гюлаб Арамович Мартirosян – академик Международной Академии духовного единства народов мира, член Союза журналистов России, философ, политолог, публицист. Чардахлинец. С декабря 1953 года работает в вузах города Рязани. Преполагает курс философии, политологии, логики и конфликтологии. Автор более 16 книг и брошюр, руководитель рязанского Армянского Культурного общества «АРАКС», директор рязанской воскресной армянской школы. «Перед нами, – пишет журнал «Литературная Армения», – патриот и очень пытливый человек. Работа, которую он проделал в рязанских архивах, очень важна и значима. Она приоткрывает еще одну трагическую страницу и в без того трагической армянской истории (а XX век оказался одним из самых кромешных периодов нашей истории). Сколько исковерканных человеческих судеб на маленьком клочке земли, зажатом между турецким ятаганом и зверствами советского чека. . . «Мы дети страшных лет России». Написано Блоком в конце XIX века, но слова эти можно поставить эпитафией ко всему российско-советскому XX веку». (Жур. «Литературная Армения», 7-9, 1994 г. С. 89).

В настоящее время Мартirosян Г.А. завершает написание очень интересной монографии под общим названием: «Армянская диаспора на Рязанской Земле». В новой работе, помимо большого количества архивного материала, Мартirosян Г.А. представляет и характеризует новую археологическую находку. Это медное «блюдец с армянскими надписями, датированное концом XII – началом XIII вв., которое было найдено при раскопках на городище Старая Рязань». Важно отметить, что это первая подобная находка в Подмосковье.

© Мартirosян Г. А.

© Международная Академия

Духовного Единства народов мира

© «АРАКС»

Содержание

Предисловие	
Затянувшиеся поиски	5
Часть первая	
На путях к Голгофе	10
Часть вторая	
Заклученные или заложники?	39
Часть третья	
Беззаконие становится законом.	63
Заклучение	
Ничто не забыто, никто не забыт.	83
Список источников и литературы	89
Приложения	96

Вечная слава героям, павшим на полях сражения за свободу и независимость родного Арцаха!

Вместо павших встают в строй новые бойцы, растёт новое поколение защитников нашей Армении. Им посвящается моя книга.

Предисловие
Затянувшиеся поиски

И пусть разорваны знамена,
И мы скитаемся в пыли,
И нет нам права и закона,
И горек хлеб чужой земли, –
Но мы бороться не устали,
И не забыли мы завет,
И ловит взор в небесной дали
Священной клятвы горный свет.

Ованес Туманян

После многолетних поисков в Государственном Архиве Рязанской области (ГАРО) я наконец обнаружил «Дело заключенных офицеров Армянской армии». Приехав в середине пятидесятых годов по распределению на постоянную работу в город Рязань, я познакомился с живыми свидетелями этой трагедии, с рязанцами, которые в начале двадцатых годов работали в концентрационном лагере, располагавшемся в черте города. По свидетельству последних, армянские офицеры остались в памяти горожан как интеллектуальные личности, хорошие художники, музыканты и мастера.

Мои попытки сбора более подробной информации о жертвах произвола и беззакония, мое желание поработать с архивными документами каждый раз оканчивались назидательными беседами со мной, а также серьезными предупреждениями и внушениями со стороны соответствующих органов. Словом, прошли десятилетия, прежде чем 23 марта 1992 года раскрылись двери секретного фонда архива местного отделения МВД, и «Дело заклю-

ченных офицеров Армянской армии» оказалось перед моими глазами. Пожелтевшие от времени бумаги в четырех папках. В них списки депортированных офицеров, их регистрационные карточки, составленные на них обвинительные заключения, личные листки по учету кадров, личные документы, заявления, протесты, телеграммы, ходатайства об освобождении и очень нежные, трогательные, но неотправленные письма на армянском языке. Подумать только! Они были адресованы любимым, но пролежали в архиве более семидесяти лет.

Первая встреча с этими документами оказалась для меня очень эмоциональной, трудной. Я был в растерянности. Машинально перелистывал страницу за страницей. Не знал, с какого документа начать знакомство с ними. Так обычно бывает, когда после разлуки встречаешься с близкими. Не знаешь, с кем первым здороваться. То же самое и в данном случае. За каждой из этих бумаг – целый мир личности, патриота, любимого сына, отца, может быть дедушки или простого молодого, влюбленного человека. Все они – близкие мне люди, защитники моей Родины.

В течение нескольких дней я приходил в архив, брал в руки «Дело заключенных офицеров Армянской армии», знакомился с отдельными документами, затем, оставляя их на столе, выходил на территорию нашего Кремля. Воспринимая эту трагедию как собственную боль, шагал по замкнутому кругу. Вспоминал все то, что было известно мне о бессмертном подвиге моих соотечественников...

В конце мая 1918 года Армения находилась буквально накануне провозглашения акта о независимости и создания национального государства. Но в эти дни, пользуясь предательским развалом Кавказского фронта и заключением Брестского мирного договора, турецкие войска хлынули вглубь Армении и вплотную подошли к Еревану. Они надеялись окончательно покорить Арме-

нию и учинить полный геноцид армянского народа. Однако на этот раз враг просчитался основательно. Под руководством офицерского корпуса вооруженных сил Армении весь армянский народ на Сардарapatском поле разгромил отборные части турецкой армии, заставив их покинуть Араратскую долину. Благодаря этой величественной победе, спаслась не только Армения, но и Бакинская коммуна, которая получила возможность дальнейшего существования и снабжения Москвы рыбой и нефтепродуктами.

Именно поэтому на этот подвиг армянского народа первыми откликнулись руководители Бакинской коммуны. 30 мая 1918 года на страницах боевого органа коммуны, газеты «Бакинский рабочий», были опубликованы важные сообщения о сражениях между армянскими и турецкими войсками. В статье под названием «Крупная победа армян» говорилось о том, что армянские части разбили турок и вынудили их к паническому бегству. В тексте же приказа народного комиссара военно-морских сил Григория Корганова войскам бакинского гарнизона было сказано: «На горных склонах и в долинах Армении наши братья ведут героические бои против турецких захватчиков. В ходе борьбы с противником, пытающимся огнем и мечом пройти по Восточной Армении, был проявлен массовый героизм, образцы выполнения воинского долга, негибаемой стойкости, высокий дух патриотизма.» Г. Корганов призывал войска коммуны развернуть решительные бои против врага и оказать помощь бойцам армянских национально-освободительных частей в их героической схватке с вторгшимися в Араратскую долину вооруженными силами турецких захватчиков.

О чем свидетельствуют эти документы? Не только о совпадении объективных интересов, позиции и политики руководителей Бакинской коммуны и национально-освободительного движения армянского народа, но и о том, что бакинцы должны были идти на помощь «своим братьям армянам» в их борьбе с турецкими коло-

низаторами. Но могли ли представить себе Шаумян и Корганов, Джапаридзе и Фиалетов то, что через два года новые руководители бакинских большевиков станут союзниками кемалистской Турции и будут настаивать на взятии под арест героев Сардарapatского сражения и отправлении их в концлагерь города Рязани? За этим предательством последовали новые предательства: во-первых, стремление большевистского руководства за счет Армении и армянского народа максимально удовлетворить агрессивные проски новых союзников; во-вторых, чтобы окончательно замести следы этих и других преступных акций, советское руководство наложило запрет, настоящее вето на познание, изучение и трактовку истории армянского народа начала двадцатого века. Обо всем этом нас заставляли молчать на протяжении многих и многих лет.

Объективная политическая и нравственная оценка Сардарapatского сражения была дана в нашей стране лишь после активного народного выступления весной 1965 года. А к 50-летию этой победы трудящиеся Армении воздвигли на территории, где проходило сражение, замечательный монументальный ансамбль.

В середине августа 1988 года вместе с профессорами Грантом Елископосовым и Грантом Симоняном я приехал в Ереван и остановился в гостинице «Эребуни». Запланировали встречу с руководителями комитета «Карабах». Ждали несколько дней. За это время мы были в гостях у наших друзей З. Балаяна и Б. Улубабяна, присутствовали на общенациональном митинге, который состоялся 18 августа на главном проспекте города. Затем мы встретились с двумя представителями «Карабаха». К сожалению, после встречи наши пути разошлись окончательно.

Перед отъездом мы побывали на Цицернакаберде, в Эчмиадзине и у Сардарapatского монумента. В местном музее познакомились с экспонатами, слушали рассказы экскурсовода о героическом сражении вооруженных сил Армении, о подвигах отдель-

ных воинов, а также о том, что в январе 1921 года 1400 офицеров и генералов Армянской армии были отправлены в концлагерь города Рязани. Мне стало неловко.

Прошли годы. Наконец я получил долгожданное «Дело заключенных офицеров Армянской армии» и, основываясь на материалах дела, написал эту книгу. Тем самым я выполнил свой долг перед памятью героев Сардарапата, перед моими товарищами и, конечно, перед собой. Не знаю, насколько задуманное удалось, насколько книга получилась. Выражаю глубокую благодарность, искреннюю признательность прекрасным, бескорыстным работникам государственного архива Рязанской области (ГАРО), редакциям журналов «Карта» и «Литературная Армения», всем моим товарищам, которые помогли мне в написании и публикации этой работы.

3 декабря 2002 г.

Часть первая На путях к Голгофе

Заключение офицеров Армянской армии противоречит элементарным нормам логики и здравого смысла. Оно непонятно и с точки зрения военно-политической и национально-религиозной целесообразности. Ведь отношения между Арменией и Россией, русским и армянским народами, в том числе и вооруженными силами, всегда было примером для подражания. Без всякого преувеличения можно сказать, что в истории народов мира вряд ли можно найти другой подобный пример взаимоотношений, как по своей продолжительности, так и по своему характеру и глубокому содержанию. Корни этих отношений уходят в далекую историю. Во всяком случае, уже накануне христианизации Киевской Руси, на ее территории имелись армянские поселения. В дальнейшем они стали появляться и в других районах России, в том числе и на Рязанской земле. Постепенно, шаг за шагом это привело к установлению уникальной и поучительной дружбы между нашими народами. Вопреки различным внешним и внутренним противоречиям, порою, недоразумениям, непредсказуемым приливам и отливам, это сотрудничество выдержало испытание временем. Оно на самом деле стало историческим.

В процессе своего многовекового развития дружба между нашими народами в соответствии с характером, духом времени и различными обстоятельствами менялась, совершенствовалась. В результате она стала опорой национально-освободительного движения армянского народа. Руководствуясь своими государственными интересами, принципами христианской морали, многие деятели России протянули руку дружбы и помощи армянскому народу. В защите и освобождении Армении и армянского народа из-

под чужеземного ига велика роль Петра Великого, Екатерины II, Суворова, Потемкина, Грибосдова и других представителей России.

Сотрудничество и дружба наших народов стали еще более всесторонними и содержательными после того, как при помощи русских войск была освобождена Восточная Армения. Присоединение одной части Армении к России не только спасло армянский народ от физического уничтожения, избавило экономику от окончательной деградации, но и в огромной мере способствовало развитию народного хозяйства, росту народонаселения, образованию, культуре, искусству, науке и т. д.

В свою очередь, армяне принимали самое активное участие в общественной жизни России. Еще задолго до кавказских войн армянские вооруженные отряды принимали участие в сражениях русских войск с неприятелями. Неоспоримо важна роль армянских вооруженных формирований в завоевании Закавказья русскими войсками. Особое место в военных походах русских войск занимают подвиги таких военачальников, как генералы Мадатов и Бебутов, Лорис-Меликов и Лазарев, Тер-Гукасов и Алхазов, Шелковников и Серебряков и другие, которые, командуя крупными соединениями войск на Кавказском фронте, выиграли не одно сражение, прославившее русское оружие.

После распада Российской империи армянские вооруженные силы встали на страже Армении. Они не просто стремились, но и были готовы сотрудничать с Россией, согласно ее новым порядкам. Летом 1918 года генерал Андраник Озаян объявил район Нахичевана неотъемлемой частью Российской республики. Офицерский корпус вооруженных сил Армении был воспитан на традициях русской армии, имел русскую ориентацию. Так почему эти офицеры оказались вдали от родных берегов? По какому праву карательные органы Советской России депортировали почти весь

офицерский корпус вооруженных сил Республики Армения? За какие такие тяжкие преступления мужественные защитники Сардапата и Базума, Зангезура и Карабаха, Нахичевани и Абарана, стойкие, последовательные проводники политики вечного союза России и Армении, армянского и русского народов, на заре установления и укрепления советской власти на территории Закавказья оказались в концентрационном лагере города Рязани? Может, они участвовали в организации заговоров, мятежей, поднимали вооруженные восстания против советской власти или воевали с какими-либо частями Красной Армии? Может быть, они вели антисоветскую пропаганду или агитацию?

Ничего подобного! История неопровержимо свидетельствует, что по своей профессиональной подготовке, военной дисциплине и моральным качествам армянские вооруженные формирования были самой организованной, сплоченной силой в тогдашнем Закавказье. Их объединяла и вдохновляла прогрессивная идея освобождения родной земли от поработителей, мечта о возрождении армянской государственности.

Именно этими мотивами объясняется демократический, подлинно народный характер армянских вооруженных сил, которые были организованы значительно раньше образования правительства самой Республики Армения. Они формировались на основе русской армии, в рядах которой в начале 1917 года служили более 160 тысяч армян. Сразу же после Февральской революции руководители национально-освободительного движения армянского народа обратились к Временному правительству России с предложением о создании армянской национальной армии. Новое руководство России (прежде всего, Александр Керенский, который был в курсе армянской трагедии)¹ это предложение оценило положительно.

И к лету 1917 года на турецком фронте было создано шесть

армянских полков. К октябрю 1917 года на этом фронте уже действовали две армянские дивизии. В середине декабря, т. е. через месяц, они вошли в состав вновь образованного армянского корпуса, командиром которого был назначен генерал Томас (Фома) Назарбеков, начальником штаба – генерал Вышинский. Особым комиссаром корпуса стал известный национальный деятель генерал Драстамат Канаян (Дро), а его заместителем – чардахлинец доктор Саркис Манасян. Вскоре в армянский корпус была включена также дивизия истинно народного героя, генерала Андраника Озаяна. К концу 1917 года армянский корпус был окончательно сформирован: командующий корпусом – генерал Назарбеков, начальник штаба – генерал Вышинский, командир первой дивизии, состоящей из четырех полков, – генерал Арамян, командир второй дивизия, также из четырех полков, – полковник Силикян, командир конной бригады в составе двух полков – полковник Горганян. В дивизии генерала Андраника было три бригады: первая из них включала Эрзерумский и Ерзнкайский полки, вторая – Хнусский и Караклиссский полки; третья – Ванский и Зейтунский полки. В составе корпуса были также местные подразделения, в числе их – Лорийский, Шушинский, Ахалкалакский и Казахский полки. Кроме того, к армянским вооруженным силам относились и ополченцы Арцаха, Зангезура и армянских населенных пунктов Утика и Гардманца.

За короткое время своего существования вооруженные силы Республики Армения вели только национально-освободительную войну. Они не покушались на чужие земли, не переходили государственные границы других стран, а были заняты исключительно обороной своей страны от нашествия иноземных захватчиков и прежде всего от непрекращающейся агрессии старой и новой Турции. В активе армянских вооруженных сил – оборона Карабаха, Зангезура, Утика, Гардмана, особенно героическая Сардарапатс-

кая битва, которая продемонстрировала стойкость, мужество и свободолюбие всего армянского народа. В пассиве армянских вооруженных формирований – жестокое поражение в развязанной кемалистами при поддержке руководителей Советской России турецко-армянской войне осенью 1920 года, в результате которого в конце ноября этого же года произошла советизация Армении, точнее, ее оккупация частями XI Красной Армии. Как отмечал Полпред РСФСР в Республике Армения Борис Легран, советизация Армении осуществилась за несколько дней и без единого выстрела со стороны армянской армии. Такое положение вещей было зафиксировано и в документе под названием «Соглашение между Полпредом РСФСР и правительством Армянской республики» от 2 декабря 1920 года. В нем, в частности, было сказано, что военные деятели прежней Армении полностью реабилитируются и поступают на службу Советской власти. В четвертом пункте этого соглашения специально отмечается, что «...командный состав армянской армии не подвергается никакой ответственности за действия, совершенные в рядах армии до провозглашения Советской власти в Армении».² Такой принцип должен был применяться не только по отношению к военным, но и к политическим деятелям правящих партий Республики Армения. «...Члены партии Дашнакцутюн и других социалистических партий Армении не будут подвергнуты никаким репрессиям за принадлежность к партии... В состав Военно-революционного комитета входят пять членов по назначению коммунистической партии и от группы левых дашнаков два члена по согласованию с партией коммунистов... По подписании настоящего соглашения правительство Республики Армения устраняется от власти; власть временно, до прибытия Ревкома, переходит к военному командованию во главе с т. Дро, комиссаром РСФСР при военном командовании Армении назначается т. Силин»³.

По договоренности с представителями Советской России это соглашение получило юридическую силу сразу же после его подписания, т. е. со второго декабря 1920 года. Даже по этому навязанному оккупационными властями соглашению Советская Армения объявлялась «Независимой социалистической республикой» со своей относительно самостоятельной внутренней жизнью, ведь в 1920, да и в 1921 годах не было еще договоренности насчет образования Союза Советских республик. На деле оккупационные власти не стали церемониться с правовыми нормами. Буквально через 10 дней начались массовые аресты и уничтожение деятелей правящей партии и офицерского корпуса армянской армии.

В своем письме на имя ЦК РКП, Ленина, Троцкого, Сталина народный комиссар Иностранных дел ССР Армении А. Бекзаян отмечает, что за три месяца существования Советской власти в Армении были арестованы 1400 офицеров армянской армии (в том числе 20 генералов, 30 полковников и т. д. – Г.М.). Главным виновником этих массовых репрессий Бекзаян считает руководителя Чека Армении Атарбекова, который прибыл в Ереван 14 января 1921 года. «На заседании Ревкома и ЦК армянской компартии Отарбекян (точнее: Атарбеков – Г. М.), – пишет Бекзаян, – ссылаясь на инструкции ВЧК, потребовал спешной и безусловной высылки за пределы Армении всех бывших офицеров (как состоящих, так и не состоящих на службе в Красной Армии). Несмотря на предостережение Ревкома, считавшего это решение политически неблагоприятным и не вызванным необходимостью, могущим привести к нежелательным последствиям, Отарбекян проводит в жизнь «инструкцию» ВЧК⁴.

Нарком Бекзаян уверен, что ВЧК не могла дать санкцию на массовые высылки всех деятелей бывших политических партий и вооруженных сил Армении. Однако имеющиеся в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» документы, а также обнаро-

дованные за последние годы материалы второго Конгресса Коминтерна, съезда Народов Востока, переговоров руководителей Советской России и Республики Армения летом и осенью 1920 года, оккупация Карабаха, Зангезура и Нахичевани частями XI Красной армии и т. д. показывают, что Бекзадян абсолютизирует роль Атарбекова в этом черном деле. Конечно, Атарбеков, а заодно и Нуриджанян и им подобные – люди особого склада ума, воли, темперамента и характера. Это те, на ком с самого начала базировались устои наших деспотических порядков. Фанатики до мозга костей, они воспринимали революцию как процесс разрушения, уничтожения всего существующего. В отличие от Артура – знаменитого героя романа Войнич «Овод» – атарбековы «не простили бы падре», т. е. могли пожертвовать даже родным отцом. Такое состояние внутреннего мира человека медицина определяет как паранойю, т. е. хроническую душевную болезнь, сопровождающуюся бредовыми идеями. В деятельности Нуриджаняна этот порок проявлялся особым образом. В нем жестокий фанатизм сочетался с чрезвычайно убогими, но весьма опасными политическими идеями. Подобно героям кинофильмов «Чапаев» и «Человек с ружьем», он полагал, что революционная армия не нуждается в высококвалифицированных офицерских кадрах. Место сосланных в Россию армянских офицеров, отмечал он, сразу же займут революционные борцы из рабочих и крестьян. Разворачивая классовую борьбу, они доведут мировую революцию до ее полной победы. А арестованные офицеры либо погибнут в морозной России, либо, приобщившись к физическому труду, пройдут школу революционной закалки, через несколько лет вернуться на родину и станут нужными для революции людьми.⁵ Совершенно ясная позиция ограниченного кровожадного провинциального ультрареволюционера, который может быть только исполнителем чужой воли. В силу этого обстоятельства Атарбеков, Нуриджанян и им подоб-

ные не могли не быть обыкновенными марионетками в руках более могущественных сил, которые ставили перед собой задачу полного разгрома Армении с тем, чтобы во имя победы мировой революции установить непосредственную связь с так называемой народно-демократической Турцией.

Вообще особое отношение Советского правительства РСФСР к Армении началось еще в декабре 1917 года, т. е. тогда, когда одновременно с провозглашением «Декрета о Турецкой Армении» была дана команда о ликвидации Кавказского фронта, что позволило турецким расистам продвинуться в глубь Армении, дойти до Баку, уничтожить Бакинскую Коммуну и начать заниматься своим обычным делом – уничтожением беззащитных стариков, женщин и детей.⁶

Султанская Турция потерпела жестокое поражение в первой мировой войне. Но на ее развалинах под лозунгами национальной революции быстрыми темпами возродилась новая шовинистическая сила, которая, не успев прийти к власти, высказала В.И. Ленину готовность «начать военные действия против империалистической Армении». Этот провокационный тезис Мустафы Кемалья не был разоблачен В. И. Лениным. Наоборот, на втором конгрессе Коминтерна Армения характеризовалась как «агент международного империализма». С тех пор представители различных поколений турецких и азербайджанских политиков, историков, журналистов и т. д. неустанно повторяют это коминтерновское определение Республики Армения.

Особое отношение к Армении проявилось и тогда, когда московское руководство не только поддержало ноту председателя Ревкома Азербайджана Нариманова от 30 апреля 1920 года, но и через командование XI Красной армии стало угрожать Армении военным вмешательством, если в течение трех дней она не выведет свои войска с территории Зангезура, Карабаха и не позволит

их оккупировать силами красных войск. В результате такого бесцеремонного вмешательства исконные армянские земли стали спорными территориями между Арменией и Азербайджаном. С весны и до поздней осени 1920 года шли интенсивные переговоры между Москвой, Анкарой и Баку относительно государственных границ Армении. За спиной армянского народа решалась судьба его исконных земель. Руководство Советской России преднамеренно затягивало эти переговоры до тех пор, пока Армения не потерпела поражение в конце ноября 1920 года.

А что можно сказать о съезде Народов Востока в сентябре 1920 года? Как там был поставлен вопрос о дашнаках и о Республике Армения? К этому времени В.И. Ленин окончательно убедился в невозможности победы мировой революции при помощи пролетариата развитых капиталистических государств. Поэтому он вынужден был обратить свои взоры на Восток, в сторону колониальных и зависимых стран. Ему показалось, что он сможет покончить с империалистическими державами Запада при помощи бунтующих фанатиков ислама. Весьма характерными для настроений тех лет являются некоторые газетные статьи. «Англия, для которой вечным пугалом был призрак казачьей пики на вершинах Гималаев, – подчеркивалось в одной из них, – пусть увидит теперь эту историческую пику в руках русского пролетария-мусульманина, идущего на выручку братьев Персии, Индии, Афганистана».⁷ Пользуясь очередной ошибкой Ленина, Нариманов и его сторонники стремились извлечь из этого максимальную выгоду для Турции и Азербайджана.⁸ С этой целью они всячески рекламировали на съезде идею о том, что большевизм является воплощением самых высоких принципов ислама, что, следовательно, необходимо «превратить Советский Азербайджан в образцовую республику Востока». Интересно отметить, что на этом съезде по приглашению руководителей РКП(б) присутствовали не только

турецкие коммунисты, но и кемалисты и даже один из организаторов геноцида армянского народа – кровавый палач Энвер-паша. На радость этим и другим мракобесам, съезд принял антиармянское решение, в котором, в частности, было сказано: «а) Любой ценой, даже самыми чрезвычайными средствами, содействовать подъему угасающего турецкого национального движения, б) Достичь этого нападением турецких войск на Армению под знаменем свержения гнета дашнаков».⁹ Делегаты съезда приняли эту резолюцию со всеобщем ликованием. В своих выступлениях многие из них угрожали «империалистической Армении» оружием, а нарком по военным делам Азербайджана выскочил на авансцену, вытащил шашку из ножен, встал на колени и дал клятву покорить Армению. В этом огромном зале не нашлось человека, который протестовал бы против этой религиозно-шовинистической вакханалии. И все это среди бела дня, от имени народов Востока! Совершенно ясная и последовательная политическая линия. Усилиями руководства РКП мракобесы XX столетия – турецкие головорезы – объявляются революционерами, а носительница социалистических прищипов «дашнакская Армения» становится объектом уничтожения. Во имя победы мировой революции Россия и Азербайджан должны установить непосредственную связь с Турцией. Армения является помехой мировой революции, она должна исчезнуть.

Но и на этот раз история оказалась безжалостной. Она показала политическую слепоту и глухоту глашатаев мировой революции. Призрак мировой революции оказался очередным выкидышем утопического мифа. Разумеется, и Турция не стала опорой мировой революции, так как у нее была и остается одна-единственная концептуальная идея. По-прежнему она вынашивает пантюркистскую программу создания великого Турана от Босфора и до озера Байкал. Тем более что в современных условиях для это-

го появились новые возможности. Развал Советского Союза стал важным источником и сферой распространения идеологии пантюркизма в некоторых странах СНГ.

В «Деле заключенных офицеров Армянской армии» имеются важные документы, которые со всей очевидностью доказывают вероломный, предательский характер политики тогдашнего руководства XI Красной армии по отношению к офицерам вооруженных сил Армении. Среди этих документов особое место занимает прошение шестерых армянских офицеров на имя Губчека города Рязани.

«После советизации Армении, – пишут эти офицеры, – прибыл в Эривань Командарм XI К. А. т. Геккер и... предложил командировать в штаб XI армии до 10 лиц комсостава Главштаба для изучения дела и возвращения в Армению с целью инструктирования остальных лиц комсостава штаба.

Нарком по военным делам ССР Армении выбрал нас, шесть лиц комсостава главштаба, наиболее трудоспособных и не служивших никогда в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и др., не принимавших никогда участия, ни активного, ни пассивного, в антибольшевистской борьбе, и командировал в город Баку, в штаб XI армии, снабдив нас всеми необходимыми документами за подписью наркомвоендела Ависа Нуриджаняна и комиссара РСФСР при Командарме ССР Армении тов. Силина.

Выехали из Эривани 14 декабря 1920 года и прибыли в Баку 21 декабря, где в тот же день явились в штаб XI армии. В штабе в первый день к нам отнеслись очень вежливо, как к командированным лицам дружественной и союзной державы (выделено мной – Г. М.)... а на следующий день нас пригласили в штаб и отправили в особый отдел штаба армии XI. Здесь после заполнения анкетных листков и допроса следователей нас заключили под стражу, как нам заявили, на время фильтрации... 1 января 1921 года

нас отвезли на вокзал, где комендант особого отдела заявил, что нас отправляют в распоряжение Рязанского губернского комитета для назначения по специальности в частях Красной армии. 17 января 1921 года мы прибыли в город Рязань, где нас заключили в концентрационный лагерь принудительных работ, где, по-видимому, нас относят к категории военнопленных.

Поэтому считаем своим долгом довести до Вашего сведения, что мы никогда не служили в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и других, а служили все время в штабах армии Армении, никакого участия, не только активного, но и пассивного, в антибольшевистской борьбе не принимали, а после советизации Армении мы остались добровольно служить в Красной Армии. Нас командировали в Баку. Просим наше дело отправить в Москву на предмет освобождения и возвращения в Красную Армию Армении».¹⁰

Это прошение подписали полковник Петр Петрович Атаев, капитан Ашот Николаевич Тониев-Тонян, штабс-капитан Гарегин Александрович Мусаелян, поручик Гарегин Михайлович Тер-Никогосян, поручик Вардан Арсенович Тер-Караханов и подпоручик Срафион Седракович Хачатрян. Все они известные офицеры, и не только в военных кругах Армении. В «Деле...» имеются личные документы полковника Атаева П.П., бывшего родом из Елизаветполя (ныне Гянджа), 47 лет. Но вот что интересно. Среди документов находится и отрицательная характеристика Чека особого отдела XI Красной армии, где он объявляется «...по отношению Соввласти элементом враждебным и неблагонадежным, поэтому нахожу необходимым заключить в Концентрационный лагерь г. Рязань. Отобранные оружие, деньги и пр. конфисковать».¹¹ Голословное обвинение, без каких-либо фактов, документов, а значит, и доказательств.

Но в деле Атаева П.П. имеется еще один документ – правительственная телеграмма следующего содержания: «РЯЗАНЬ КОМИССАРУ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ. 17 ФЕВРАЛЯ 1921 г. № 2944 = ВСЕ СРОЧНО = СООБЩИТЕ ОТДЕЛ ВОСТОКА НАРКОМИНДЕЛ. НАХОДИТСЯ ЛИ В ЛАГЕРЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОСУЖДЕННЫЙ НР 297/2 АТАЕВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ = ЗАМ НАРКОМА КАРАХАН = 3733».¹²

В ответной телеграмме говорилось: «ОТДЕЛ ВОСТОКА НАРКОМИНДЕЛА = НА ВАШУ ТЕЛЕГРАММУ ЗА № 2944 СООБЩАЮ, ЧТО АТАЕВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ НАХОДИТСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ВО ВВЕРЕННОМ МНЕ ЛАГЕРЕ ОСУЖДЕН ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ XI АРМИИ КАК НЕБЛАГОНАДЕЖНОЕ ЛИЦО». Подпись: Нач. Лагеря.¹³

Без следствия и суда при помощи особого отдела XI Красной армии человек стал неблагонадежным лицом. Начало большой лжи, фальсификации и демагогии. Однако в документах «Дела...» нет ни слова о том, что П.П. Атаев осужден как неблагонадежное лицо. Подобным образом были сфабрикованы дела и на всех других армянских офицеров. Одних обманывали в Ереване, других в Баку, третьих в Тифлисе. А всех вместе – в Рязани. Система обшая. Опирающийся на чекистские штыки большевистский авангард вел массы к светлому будущему, превращая страну в изолированный от остального мира остров под общим названием «Архипелаг Гулаг».

Массовая высылка армянских офицеров началась 24 января 1921 года. По распоряжению Чека и военных властей Советской Армении в этот день все офицеры старой армии были приглашены на сборные пункты для повторной регистрации. «Мы полагали, – пишут в своем прошении на имя начальника Рязанского лагеря офицеры Грант Асланов, Гурген Газазян, – что это обычные сборы. Но на месте нам объяснили, что мы должны срочно, прямо с места сбора, выехать в Баку для продолжения дальнейшей службы в составе XI Красной Армии. Так как железная дорога все

еще находилась в руках турецких оккупантов, мы должны были отправиться в Баку пешком, через Севанский перевал до Агстафы. Оттуда поездом в Баку.¹⁴

Никто не ожидал этой высылки. Обстановка в стране, в особенности на границах оккупированных турками территорий, была весьма тревожной и неясной. Разбойничьи банды турок нередко переходили границу, нападали на армянские населенные пункты с целью грабежа, насилия и т. д. Каждый армянский офицер понимал, что его место здесь, что он еще встанет в ряды защитников Родины. Поэтому на сборные пункты офицеры являлись спокойно, в обычной городской одежде, не приспособленной для перехода в зимнюю стужу через снежный Севанский перевал. За доверчивость и недалекость они поплатились. Им не разрешили даже повидать своих родных, взять с собой что-либо в дорогу, в особенности еду, теплую одежду, белье. «В числе высланных были и коммунисты с партийными билетами, – пишет нарком Бекзаян в своем письме, – спецы, работавшие в советских учреждениях (инженеры, техники, экономисты, в которых так нуждалась Советская Армения), казначеям не была дана возможность сдать казенные суммы, должностным лицам сдать свои дела и должности, офицерам, жены которых в это время не находились в Эривани, поручить кому-то своих детей.» Многие служившие в армии офицеры явились на сборные пункты, имея при себе оружие. А в кармане командира пятого пехотного полка полковника Степана Аветовича Степаняна находился «Военный ключ № 10 – военного ведомства Республики Армения» с правилами, шифрантом и дешифрантом, что является строгим военным секретом, и записан он был лично на имя командира полка. Личное оружие офицеры сдали в штабе XI Красной армии, а военный ключ № 10 вместе с полковником дошел до концентрационного лагеря и находится теперь в Государственном архиве Рязанской области.¹⁵

Еще одна деталь. Арестованных офицеров в дороге не кормили. Они питались, продавая свою одежду. Легко одетые, они сильно страдали от холода. По прибытии в Баку их держали под стражей, впроголодь, в отвратительных бытовых условиях. В результате более 20 человек оказались в больницах Дилижана, Агстафы, Гянджи, Баку. А один из них, капитан Стефан Агаджанович Егиазаров, в результате нервного шока ослеп. Однако болезнь не освободила их от Рязанского концентрационного лагеря.¹⁶

В своем письме на имя руководителей советской России от 26 марта 1921 года А. Бекзаян пишет: «Общее число офицеров высланных доходит до 1400 человек. По имеющимся сведениям в Рязанском концентрационном лагере находится свыше 500 человек, проживающих в тяжелых условиях и гниющих в одной смене белья. Такая огульная массовая высылка всех бывших офицеров, громаднейшее число которых не участвовало в гражданской войне против Советской России и входило в ряды армянской интеллигенции не могло не отразиться на настроении трудящихся масс Армении в нежелательном для советской власти смысле и не создать определенное враждебное к ней отношение, которое и было использовано нашими противниками».¹⁷

Анализ документов показывает, что существующие в «Деле...» списки депортированных офицеров Армянской армии были составлены второпях, без надлежащей аргументации мотивов преследования этих лиц. Основные списки (их четыре) были составлены особым отделом XI Красной Армии совместно с представителями Чека и военных властей Армении 24, 25, 29, 30 января и 2 февраля 1921 года.¹⁸ В сопроводительном документе к списку от 24 января сказано, что в Баку отправляются 248 человек.¹⁹ Но в Баку оказались 265 человек, т. е. на 17 человек больше, не считая того, что около 20 человек из этой партии заболели и были помещены в местные больницы. Так откуда же взялись эти лишние люди? До-

кументы показывают, что списки пополнились за счет тех раненых офицеров, которые после госпиталей получили документы об инвалидности и вернулись домой. Чекисты ловили их на улицах города Баку. Оказывается, и в то время заботились о перевыполнении плана!

Весьма своеобразна и общая характеристика отправленных в Баку списков армянских офицеров. В первом документе от 24 января 1921 г. речь идет о списке «бывших офицеров, которые зарегистрировались в здании Вагаршапатского гарнизонного клуба согласно приказу Предчека Армении за № 3». Второй список, от 25 января 1921 года, называется так: «**Именной список арестованных деникинцев**»²⁰ (здесь и далее выделено мной – Г. М.). В третьем сказано: «Список бывших офицеров, подлежащих к отправке в Россию».²¹ На четвертом написано от руки на простой бумаге: «Список 4-ой партии – 22 человека. 2 февраля 1921 года».²² В этот список включены в основном генералы и полковники.

Эти составленные в Армении списки сопровождались другими документами, в которых фальсификация дел армянских офицеров доходила до самых крайних пределов. Так, в своем рапорте на имя начальника Особого отдела XI Красной армии уполномоченный Чека Армении Хачатрян писал: «1921 года 4 февраля прибыл из Эривани в Баку в качестве сопровождающего арестованных офицеров **дашнакского правительства**. Арестованные офицеры в количестве 265 человек. Список принят на сборном пункте военнопленных г. Баку, а документы и переписка лично мною сданы в Особый отдел XI армии...»²³ Здесь же расписка такого содержания: «Полиотдел XI армии подтверждает получение пакетов из Чека Армении... и пакет с перепиской для приобщения к делу **деникинцев**...»²⁴ Представляют интерес еще два документа. Первый из них на бланке Чрезвычайной Комиссии ССР Армении № 957 под грифом секретно. Особый отдел XI армии. В Баку

«препровожаем при сем список денкинских офицеров в одном экземпляре количеством 73 человека... число офицеров 67. Шесть человек больных остались...»²⁵ Отметим, что по регистрационным лагерным карточкам офицеры этого списка не значатся денкинскими офицерами. Второй документ на таком же бланке: «Препровожаем при сем список дашнакских офицеров в одном экземпляре количеством 102 человека...»²⁶ На самом деле лишь несколько человек из этого списка принадлежали к дашнакской партии.

В таком своеобразном антиармянском духе составлены и все другие документы. Вряд ли все это можно считать результатом безалаберности простых делопроизводителей. Создается впечатление, что составители списков депортируемых армянских офицеров предварительно штудировали не Устав и Программу партии «Дашнакцутюн», а опубликованные на страницах мусаватистской газеты «Азербайджан» антиармянские статейки полуграмотных пантюкистских писак, которые под словом «дашнак» подразумевали деятельность любого армянина. С тех пор и повелось. Эту дурную мусаватистскую легенду восприняли и взяли на вооружение все последующие большевистские деятели, начиная от провокатора и политического двурушника Нариманова и до псевдофронтовика, дезертира и политического демагога Алиева.

В «Соглашении между Полпредом РСФСР и правительством Республики Армения» от 2 декабря 1920 года специально (пункт 7) было сказано, что «Российское Советское правительство принимает меры к немедленному сосредоточению военных сил, необходимых для защиты независимости ССР Армении».²⁷ Конечно, в то время Армения очень нуждалась в защите своей независимости, в особенности в укреплении своих государственных границ, прежде всего от продолжающейся агрессии кемалистской Турции. Пользуясь отсутствием мирного договора, турецкие ок-

купанты все еще находились на значительной части территории Армении, они блокировали единственную железную дорогу, создавая тем самым осадное положение для всей Армении.

Но кто должен был защищать независимость республики, какие вооруженные силы должны были стоять на ее границах? Регулярные части республиканской армии, которые на протяжении двух с половиной лет вели здесь непрерывные оборонительные бои, или прибывающие из далекой России или Азербайджана чужие для этих мест отряды XI Красной армии? Не надо быть военным специалистом, чтобы увидеть разницу между этими двумя армиями. Армянская армия защищала свой дом, свою Родину, к тому же она была лучше приспособлена к местным условиям. А для XI Красной армии, как бы она не воспитывалась в духе пролетарского или мусульманского интернационализма, Армения все равно оставалась чужой страной.

Понятно, что защита независимости Армении означала прежде всего укрепление ее вооруженных сил. Но можно ли ставить вопрос об укреплении независимости Армении, если из и без того малочисленной армии сразу, одним ударом, выводится из строя 1400 офицеров? Из четырех основных списков «Дела...» видно, что вооруженным силам Армении нанесен непоправимый, страшный удар. Достаточно отметить, что из первого пехотного полка второй бригады Эчнадзинского гарнизона были арестованы 40 офицеров во главе с полковником Сырмакешовым, из второго полка арестованы 38 офицеров вместе с подполковником Затикяном, из третьего – 20 офицеров, из четвертого – 24 во главе с подполковником Нестеровским и т. д.²⁸ Могла ли эта карательная акция способствовать укреплению независимости Армении и ее вооруженных сил?

В четырех основных списках (462 человека) значатся фамилии 13 генералов, 15 полковников Армянской армии. Среди них

имена Главнокомандующего вооруженными силами Республики Армения генерала Томаса (Фомы) Назарбекова, генерал-лейтенанта К.М. Гамазова, генералов А.П. Бой-Мамиконяна, А.И. Гаджаева, Д.И. Андриевского, Р.А. Базаева, Ю.Ф. Бржезинского, И.И. Васильева, А.А. Иванова, В.М. Хорманского, Н.Г. Павловского, И.С. Баграмова, Г.А. Шелковникова. Полковников М.С. Мелак-Агамалова, братьев А.И. и А.И. Бабаджановых, А.К. Меликова, М.О. Мелик-Шахназарова, С.И. Таманова, С.В. Степаняна, А.С. Папунц, В.А. Апресова, А.П. Затикяна, К.А. Мелик-Парсаданова, А.Г. Тер-Нерсесова и др.

Все эти генералы, полковники, а также абсолютное большинство арестованных армянских офицеров были фронтовиками. Они исколесили фронтовые дороги первой мировой войны, прошли сквозь бурю и огонь испытаний, по счастливой случайности остались живыми, с ранениями и искалеченными судьбами. Некоторые из них сражались на баррикадах Бакинской Коммуны, а после ее поражения через Ленкорань и Иран, Владикавказ и Грузию торопились на территорию Армении с тем, чтобы исполнить сыновний долг – защищать ее границы от коварных захватчиков. А теперь в неотапливаемых арестантских вагонах в суровые февральские дни их везут из Баку, через Ростов, Харьков, Воронеж, в концентрационный лагерь города Рязани.

Но даже эту судьбу можно посчитать относительно счастливой. Пока этот обычный тихоходный почтово-багажный поезд тащился по холодным российским просторам, в столице Советской Армении разворачивалась трагедия, которую можно было сравнить только с варварскими деяниями младотурок. Уже в конце января 1921 года ереванские тюрьмы были переполнены арестованными представителями дашнакской партии и вооруженных сил Республики Армения. В качестве заложников были схвачены видные партийные и государственные деятели: А. Оганджян,

А. Саакян, О. Качазнуни, Л. Шант, А. Чилингарян, В. Шиханян и другие. Только за одну февральскую ночь в тюремных застенках города было зверски уничтожено более 50 человек, в том числе полководец Амазасп (защитник Бакинской коммуны), храбрый, обаятельный полковник Горганян, легендарные фидайны Серго, Македон, Григор и другие. В это же время в одной из камер ереванской тюрьмы заключенные решили забаррикадировать двери с тем, чтобы чекисты-убийцы не могли проникнуть к ним. Но тогда чекисты стали стрелять из пулемета в окна камеры и стреляли до тех пор, пока не убили всех арестованных.

Чудовищнее всего то, что все эти страшные преступления совершалась в стране, которая только за период с 1895-1920 гг. трижды испытала на себе политику геноцида со стороны старой и новой Турции, потеряла в общей сложности более двух с половиной миллионов своих сыновей и дочерей. С какой надеждой армянский народ обращал свои взоры на север – в сторону Великой России, сколь многого ожидал от советской власти. Но что получилось на деле? Как могли большевики вступить в союз с теми реакционными силами, о которых в декабре 1920 года сам В.И. Ленин вынужден был сказать: «Турецкое наступление было рассчитано против нас... Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте».²⁹ Красноречивое, но запоздалое призывание. Увы, эти уроки истории не стали поучительными для большевиков. Они ничему не научились. Через несколько месяцев после самокритичного заявления тот же Ленин в нарушение элементарных норм международного права подписывает Русско-турецкий договор, нанося тем самым еще один страшный удар в спину Армении.

Советизация в каждом уголке огромной страны сопровождалась насилием, обманом, ложью. Это общеизвестно. Но нигде она не проводилась с такой жестокостью и вероломством по отноше-

нию к представителям местных народов, как это было сделано в Армении. Имеющиеся в «Деле...» документы показывают, что за представителями армянской интеллигенции и вооруженных сил чекисты охотились не только на территории Армении, но и в Азербайджане, в городах Грузии. Буквально через несколько дней после советизации Грузии с 27 февраля 1921 года частями XI Красной армии в Тифлисе стали производиться аресты армянских офицеров и дашнаков. За 10-15 дней на территории Грузии были арестованы 219 человек. Вскоре эту партию заключенных через Баку отправили в концентрационный лагерь города Рязани. Представляет особый интерес судьба одного из бывших офицеров – Леона Алексеевича Арутюнова. В выписке из постановления особого отдела XI Красной Армии сказано: «Арутюнов Леон Аркадьевич (Алексеевич), 24 лет, подпоручик, сын священника... В апреле 1918 года поступил добровольно в Красную Армию и служил в 3-ем красном б-оне до половины сентября. С приходом в Баку турок вместе с другими бежал в Энзели и пробыл там до декабря 1918 года, затем вернулся в Баку. В июле 1919 года был мобилизован и назначен мл. офицером в Армянский полк, где и служил до марта 1920 года, затем по ранению выбыл из строя. У белых не служил. В подавлении народных восстаний в Армении участие не принимал. Заявляет себя сочувствующим трудовому народу. Особых подозрений не внушает».³⁰ Казалось бы, никакого криминала. Тем не менее Арутюнов Л.А. был направлен в г. Рязань «для окончательной и тщательной фильтрации». Все это в духе специфической привычки чиновника советского типа. Не брать ответственности на себя. Отправить дело к другому чиновнику. Пускай думают другие. Какое значение имеет для чиновника из особого отдела XI Красной Армии тот факт, что Арутюнов Л.А. честный человек, патриот своей родины? К тому же смертельно больной. У него туберкулез. Дни его жизни сочтены. Все-таки его арестова-

ли, но тут же вынуждены были поместить в тюремную больницу города Тифлиса. Через несколько дней с температурой 38 градусов отправили в Рязань. На пути следования ему стало очень плохо, поэтому он был оставлен в Бакинском лазарете. Лишь в конце мая Арутюнов Л.А. добрался этапом до Рязани с тем, чтобы тут же вновь оказаться на больничной койке. Сколько лет прошло! Нельзя без волнения знакомиться с письмами и заявлениями Л.А. Арутюнова и его брата Геворга на имя начальника Рязанского концентрационного лагеря. Еще одна страница предательского равнодушия, безразличия к судьбе конкретного человека.³¹

Таким образом, имеющиеся в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» документы, а также известные теперь многочисленные факты в своей совокупности свидетельствуют об особом отношении большевистского руководства к армянскому народу и его исконной территории. Не пощадили никого. Даже туберкулезников. Пытались с корнями вырвать дух национального самосознания, идею независимости, свободолюбия. Непосредственный массовый террор против представителей армянской интеллигенции большевики сочетали с политикой ограничения, ущемления интересов и прав всего армянского народа и его государственности. Одним словом, всю свою политику на территории Закавказья и по отношению к Турции руководители РСФСР проводили исключительно в ущерб экономическим, территориальным, социально-политическим, демографическим и духовным интересам армянского народа. С полным основанием можно сказать, что зловещий 37 год начался в Армении буквально с первых же часов её советизации.

Только за одну ночь 24 апреля 1915 года в Стамбуле был арестован и затем уничтожен цвет армянской нации – более 500 представителей армянской интеллигенции. А за шесть дней января 1921 года в самой Советской Армении были арестованы 1400 офице-

ров, более 300 членов дашнакской партии. Более 90 процентов арестованных были молодыми людьми 22-35-летнего возраста. Вместо концентрационных лагерей им бы создать свои семьи, иметь детей. Ведь демографическое положение Армении было прямо-таки катастрофическим. Как отмечала газета «Правда» от 25 ноября 1945 года, в 1920, 1921 годах на 1000 человек населения Армении рождалось 8,7, а умирало 204, 2 человека, т. е. убыль населения исчислялась в 195, 5 человека на 1000 душ.³²

А что можно сказать об антиармянской политике тридцатых, сороковых, пятидесятих годов? Эта политика продолжается и до сегодняшнего дня. Яркое свидетельство тому – пепелища Чардахлу и Мартунашена, Воскепара и Геташена. История еще скажет свое слово. Организаторы и вдохновители горбачевской антиармянской политики еще должны предстать перед новым Нюрнбергским трибуналом.

В «Деле заключенных офицеров Армянской армии» наряду с большими списками имеются многочисленные так называемые стандартные списки особого отдела XI Красной армии от 30 января 1921 года с обязательной надписью «Концентрационный лагерь гор. Рязань для тщательной фильтрации. При сем сопровождаются следующие арестованные конвоиром особого отдела XI армии».³³ Эти списки имеют свои особенности. Во-первых, они составлены для тех арестованных армянских офицеров, которые из Баку направлялись в концлагерь города Рязани через этапный пункт в городе Козлове (ныне – Мичуринск). Во-вторых, эти списки большей частью составлены для восьми арестованных лиц. В «Деле...» более 20 таких списков, т. е. на 160 человек. Они заполнены либо на пишущей машинке, либо написаны от руки. Имеются также и списки на 49, 14, 11, 9 и даже на отдельных лиц.

В духе революционной бдительности были составлены на заключенных армянских офицеров и лагерные регистрационные кар-

точки, для оформления которых использовались готовые стандартные официальные бланки двух типов, хотя они почти идентичны. Первый из них принадлежал управлению принудительных работ. На нем стоял штамп: регистрационная карточка военнопленного гражданской войны. На этом бланке содержался 21 вопрос. Например, на регистрационной карточке за № 6688 на имя генерал-майора Рубена Аветовича Бозаева были отмечены фамилия, имя и отчество, чин (звание), войсковая часть, (в данном случае «при военном министерстве Республики Армения»), Армия государства (Армянского), подданство (русское), национальность (армянин), возраст или год рождения (67 лет), образование (гимназия, 2-ая воен. уч. академия), место и время пленения (Эривань), профессия и специальность (артиллерист), адрес (Тифлис, ул. Михайловская, 80). В конце страницы – подпись генерала. В скобки заключены его ответы. На обратной стороне бланка из 9 пунктов заполнен только один – время поступления в лагерь Рязани (10 марта 1921 года).³⁴ Аналогичным образом заполнена и регистрационная карточка генерал-майора ереванца Бржезинского Юлиана Францевича. Несколько общеизвестных фактов биографического характера. И ни единого слова о том, за что эти пожилые люди должны были оказаться в концентрационном лагере города Рязани. Военнопленные – и делу конец. Но этим двум генералам еще повезло, если иметь в виду, что на других генералов вообще не были заведены подобные карточки.

Немного более содержательным оказался бланк второго типа, точнее форма № 1 отдела принудительных работ Наркомвнутдел. На таких бланках 26 вопросов. От первого типа данный бланк отличается тем, что дает более широкую информацию о заключенных. Например, регистрационная карточка за № 6593 разряда 5/28 на имя прапорщика Оганянца Мушека Карапетовяча показывает не только его возраст (32 года), национальность (армянин), соци-

альное происхождение (из крестьян Нахачеванского уезда Эриванской губернии) и т. д., но говорит и о таком трагическом факте его биографии, как то, что при отступлении из города Каре его молодая жена попала в плен к туркам.³⁵

В качестве приложения ко второму типу карточек в «Деле...» имеется большое количество выписок из постановления военных следователей Особого отдела XI Красной армии в составе: Корибут, Ковалев, Кузаев-Леонтьев, Флянтольц, Бабаев, Василевская. Под каждым из таких документов стоит подпись начальника Особого отдела XI Красной Армии Панкратова. (Кстати в то время его заместителем был М. А. Багаров – один из наиболее преступных деятелей сталинского провинциального руководства). В этих выписках по идее должны были быть отражены результаты проверки личности и деятельности задержанных армянских офицеров и определены меры наказания. Иначе, в какой мере все это является законным, справедливым, человеческим? У фабрикаторов дел заключенных офицеров Армянской армии просто концы не сходятся с концами. В «Деле...» имеются более 300 выписок из постановления особого отдела XI Красной Армии. Все они подписаны 30 января 1921 года. Выходит, что в течение одного рабочего дня каждый из следователей допрашивал более 50 человек, т.е. фактически с каждым офицером беседовали в течение 5-7 минут и на основании нескольких стандартных вопросов определяли политическую линию и степень виновности задержанного. Но возможно ли такое? По всей вероятности, вопрос был решен давно, приговор был подготовлен заранее. Ты виновен потому, что жил при дашнаках. Такой упрощенный, примитивный подход позволял следователям особого отдела XI Красной Армии осуществлять решения съезда Народов Востока об отношении «пролетариев-мусульман» (точнее: младотурок, кемалистов, мусаватистов, большевиков) к Армении и ее народу. Поэтому следователи игнориро-

вали представленные офицерами документы, в том числе и партийные билеты коммунистов. Материалы «Дела...» показывают, что бакинские следователи имели весьма упрощенные представления об антисоветской деятельности. В качестве основания для обвинения фигурировал только один признак: раз данный человек был кадровым офицером русской армии, следовательно, он беляк. Раз он был в вооруженных силах Республики Армения, значит, он дашнак, т. е. контрреволюционер. А ведь в 1920 году в рядах дашнакской партии насчитывалось всего 4000 человек. Так было в действительности. Но это не помешало чекистам в конце тридцатых годов на территории Армении найти и арестовать более 9000 «активных членов дашнакской партии...»

Вооруженные силы Республики Армения – это не дашнакская армия, хотя в них имелись и отдельные представители этой партии. Кроме того, никто из чекистов особого отдела XI Красной Армии не знал (или «не знал»), что партия дашнакцутюн относится к социалистическому типу политических организаций, что она входила в состав Второго Интернационала. Но эти политически безграмотные и бездарные люди-особисты, которые не могли даже правильно написать слово «Дашнакцутюн» (писали «Дашнак-Цутюн»), со своим так называемым классовым чутьем решали судьбы людей, многие из которых начали солдатскую службу во фронтовых окопах с 1914 года. Не имея даже физической возможности побеседовать в течение одного рабочего дня с каждым из задержанных офицеров, следователи пошли на открытую фальсификацию. Каждый из них беседовал с одним офицером, но выносил приговор целой группе. Вот один из многочисленных примеров: «Выписка из постановления. 1921 года, января 30 дня, мы, военные следователи Особого отдела, проверяли личность и деятельность офицеров и установили: Оганянц Мушек Карапетович – 32 года. Образование – окончил Учительскую семинарию в Тифлисе

в 1918 году, в этом же году был мобилизован и отправлен в Тифлисскую школу прапорщиков, которую окончил 18 декабря 1919 года. После окончания заболел и оставался в Тифлисе у родителей. Затем женился и уехал в Карс. Там был мобилизован Армянскими войсками и назначен в Карсский караульный б-он на должность мл. офицера. Оставался по день сдачи Карса. Затем переехал в Эривань. В своем полку оставался по день прихода Красных войск в Армению. ПОСТАНОВИЛИ: всех перечисленных 4-х человек офицеров Армянской армии отправить в Рязань для окончательной и тщательной фильтрации. Военные следователи, подписи. «Согласен». Подпись. Резолюция Нач. О. О. XI армии «Утверждается» 30.1.21 г. Панкратов. Выписка верна: делопроизводитель».³⁶

Так откуда же взялись те офицеры, фамилии которых вообще не значатся в выписке из постановления? Это не первый и не последний пример такого предвзятого подхода к делу. Лишь бы выполнить план, отправить и избавиться от их присутствия, а там в Рязанском концлагере разберутся сами, кто враг, а кто друг.

В «Деле...» имеются многочисленные положительные характеристики на армянских офицеров, полученные от различных организаций, в том числе и коммунистических, или от отдельных должностных лиц. А также ходатайства официальных лиц или организаций об освобождении или облегчении участи заключенных. Кроме телеграммы Замнаркоминдел Карахана, в «Деле...» имеется также и письмо Зам. Наркома Юстиции РСФСР следующего содержания: «В Рязанский Концентрационный лагерь военнопленных, г. Рязань. Народный Комиссариат Юстиции просит не отказать в сообщении, возможно ли облегчение положения или освобождение содержащегося в концентрационном лагере военнопленного товарища Авакова Даниела». Подпись: Замнаркомюста. С левой стороны письма на положенном месте штамп: «Наркомат Юсти-

ции. Апрель 1921 года № 3639». Это письмо получено в Рязани 15 апреля 1921 года. Исходный № 2603.³⁷

Член Реввоенсовета Комфронта Мирзоян в своих письмах на именном бланке, адресованных Вонкому XI штаба армии тов. Малышеву, ходатайствует о своем школьном друге – прапорщике, участнике многодневных боев против турок Левоне Ефремовиче Мовсесяне. Мирзоян пишет: «Тов. Малышеву. Прошу выслушать Мовсесянца, хорошего моего школьного друга, за которого я ручаюсь, выяснить его положение. Если возможно, прямо передать в штаб: с Комприветом Мирзоян». Во втором письме Мирзоян добавляет: «Тов. Мовсесянца знаю как хорошего работника и рекомендую как безусловного сторонника Советской власти». Подпись: Член РКП № 1137». В начале марта 1921 года Мирзоян назначается военным комиссаром Бакинского Уезда Бакинской губернии, а 13 марта он уже пишет ходатайство о благонадежности другого офицера, заключенного Арутюна Николаевича Панарджяна.³⁸

В «Деле...» имеется ходатайство от общего собрания Красного Учкомнара города Дилижана об освобождении штабс-капитана Согумоняна от Нижне-Чамбаракской комячейки. Пятнадцатого апреля 1921 года Ревком П. Петровска (ныне Махачкала) ходатайствовал об освобождения Георгия Тарасовича Сагателова.³⁹ Имеются многочисленные ходатайства и о других офицерах Армянской армии.

Регистрация заключенных армянских офицеров в концентрационном лагере города Рязани происходила поэтапно, по мере их прибытия. Наибольшие поступления падают на 23 февраля, 10 марта и 14 апреля 1921 года. В последующие дни поступали уже небольшие группы. Кроме того, в лагере находились еще 16 человек армянской национальности, но служившие в армиях Деникина, Колчака. Двое из них, Павел Джилоганян и Арам Тер-Григорян,

совершили успешный побег.

В конце апреля 1921 года завершилось прибытие в концентрационный лагерь города Рязани заключенных армянских офицеров и их регистрация. Мне остается ответить еще на два вопроса: во-первых, как сложилась жизнь армянских офицеров в лагере? Чем они занимались? Какой был рацион их питания?

Во-вторых, что случилось с моими дорогими соотечественниками, сколько из них осталось навечно лежать вдали от родных мест в Рязанской земле? Как долго они считались «врагами народа» и какие новые беды ждали выживших в конце тридцатых годов, в суровые дни Великой отечественной войны, в послевоенных водоворотах социалистического эксперимента?

Часть вторая

Заключенные или заложники?

Социальная революция обычно не заканчивается взятием Бастилии или Зимнего дворца. Как объективный, продолжительный и противоречивый процесс перехода от менее совершенных форм социальной жизни к более разумной, рациональной организации всех сторон общественной жизни, она содержит в себя потенциальную опасность и тенденцию разрушения, террора, гражданской войны, что в конечном счете обязательно приводит к разращению людей, к доведению их до люмпенизации и одичания. Совершенно естественно, что тот, кто занимается только разрушением, тот, кто терроризирует людей, конфискует их имущество, ведет паразитический образ жизни, кто зовет человека к вечной борьбе, кому «покой только снится», никогда не может стать создателем, творцом, строителем чего-то нового, полноценного, положительного. Как говорили в старину, «имея на плече винтовку, человек не может обеими руками братья за плуг». Октябрьская революция не стала «праздником угнетенных масс» потому, что идея и практика борьбы, разрушения были стратегической линией политики большевистской партии. При помощи методов «упорной, кровавой, военной, насильственной, административной» и т. д. борьбы большевики действовали везде и всюду, по каждому вопросу и в любое время.

К чему все это привело? К формированию политического режима, скроенного из того, что было разбросано на дорогах истории в разные эпохи и в разных странах и сцементировано в совершенно новую систему – тоталитаризм, т. е. в образование, в котором все (от воспитания детей до выпуска продукции) ставилось под контроль специально созданного для этого аппарата. исполь-

зующего силу, страх и ложь, в котором всякая попытка выйти из-под контроля рассматривалась как выступление против власти и жестоко преследовалась. Теперь уже общеизвестны те страшные потери, жертвы, которые понесли народы нашей страны после 1917 года в экономической, социально-политической, демографической и духовной жизни общества. Но самое страшное – это людские потери, невиданные ранее массовые политические репрессии 20-50-х годов двадцатого века, по существу геноцид народа со стороны руководства страны, точнее, со стороны так называемого политического авангарда общества – большевистской партии. В годы руководства, точнее, господства этой партии, репрессировались не только те, кто так или иначе были открытыми противниками нового режима, сопротивлялись новым властям, но и те, чья опасность для режима была лишь «потенциальной», – так называемые «классово-чуждые» и «социально-опасные» элементы, их дети, семьи, внуки, родственники, друзья, соседи, молодые образованные личности. В основном цвет нации, ее самые активные, грамотные и способные представители. Только в годы гражданской войны было репрессировано более двух миллионов человек. В первую очередь из имущих классов и интеллектуальной элиты страны. Свыше пяти миллионов так называемых «кулаков» было репрессировано в годы коллективизации сельского хозяйства.

В Советском Союзе все решалось в борьбе. За время своего существования Коммунистическая партия привыкла не работать, а только бороться. Нет ничего случайного и удивительного в том, что, начиная с «Краткого курса ВКП(б)» и заканчивая последним изданием «Истории КПСС», каждая глава этих книг начиналась словами: Борьба партии за... «...индустриализацию страны», «коллективизацию сельского хозяйства», «ликвидацию кулачества как класса», «решение национального вопроса», «культурную революцию» и т. д. и т. п. Что же касается самой сущности, струк-

туры большевистской политической организации, то необходимо учитывать следующее обстоятельство: тоталитарный режим не терпит никаких законов, даже своих собственных. Они ему мешают. Ведь осуществление законов прямо или косвенно ограничивает тоталитарность, не позволяет ей действовать свободно. Поэтому законы использовались только тогда, когда это было выгодно в интересах режима. Как сказали бы прагматики, «разумно то, что полезно, разумно то, что способствует укреплению власти большевиков».

Что положительного и эффективного мог дать советскому народу тоталитарный режим, который каждый раз сопровождался культом личности его так называемых вождей? Ровным счетом ничего! Жизнь показала полную несостоятельность и жестокость стратегии и тактики большевизма. Воспитанные в духе «решительной борьбы», «разрушения мира до самого его основания» политические руководители страны не учитывали объективных законов общественного развития. Провозглашаемые ими политическая доктрина о строительстве социализма и коммунизма, тактические лозунги и призывы вроде: «Пятилетку – в четыре года!», «Догоним и перегоним...», «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», «Экономика должна быть экономной» оказались оторванными от реальной жизни небылицами мифического толка.

Причина подобного антинаучного подхода к строительству нового общества не только в его оторванности от реальной действительности, но и в том, что вера в борьбу была самой удобной формой деятельности. Зачем думать, решать самим, если в распоряжении партийного руководства находится весь государственный аппарат, все партийные, профсоюзные, молодежные структуры, суды и прокуратура, вооруженные силы, милиция, тюрьмы, концентрационные лагеря и т. д. В таких условиях, наряду с други-

ми факторами, объектом борьбы становится и система трудовой деятельности человека. Не свободный труд во имя нормальной жизни людей, а принуждение заставляет человека включаться в жестокую контролируруемую систему социалистического соревнования, уродливую практику перевыполнения плана, взятых обязательств и т. д.

Но может ли принудительный труд стать средством строительства нового общества? Карл Маркс неоднократно подчеркивал, что труд раба, крепостного крестьянина, тем более люмпена или заключенного, то есть труд несвободного человека, не является плодотворным, результативным. А по концепции Ленина, социализм, по сравнению с капитализмом, безусловно, означает более высокую производительность труда. Закономерный вывод: если производительность труда низка, если человек трудится несвободно, значит нет и не может быть никакого социализма, никакой научной организации всех сторон общественной жизни. Абсолютизируя роль партии в политической организации общества, руководители Советского Союза сами оказались ее заложниками. Партия не могла стать действительным авангардом, вождем класса, народа, общества в целом так как она хотела построить так называемый социализм или «казарменный социализм» для народа, но вопреки его воле, при помощи дубинки и плетки.

В более жестокой форме такая система трудовой деятельности была распространена на заключенных. Во всех цивилизованных странах заключенные подчиняются особому режиму. Для них существуют специфические статьи уголовного кодекса, по которым они получают сроки заключения. Осужденные живут своей жизнью. Но в нашей стране труд заключенных был подчинен основному принципу социализма: «кто не работает, тот не ест». Значит, если заключенный не работает, он не получает пищи. Труд заключенного, по мнению наших идеологов, был необходимым и

полезным не только для общества в целом, но и для самих заключенных, поскольку он становился средством воспитания коммунистического коллективизма, средством досрочного освобождения.

Уже в первые годы советской власти в наших тюрьмах и лагерях имелось большое количество заключенных. Поэтому проблема их труда была актуальной. Она требовала конкретного решения. 15 апреля 1918-го и 17 мая 1919 гг. в специальных постановлениях ВЦИК о лагерях принудительных работ ставилась задача, во-первых, создания усилиями ГУБЧЕКА лагеря принудительных работ в каждом губернском городе, во-вторых, в каждом лагере нужно было иметь не менее трехсот заключенных. (Это необходимо для того, чтобы заключенные лагеря могли, кроме выполнения основных работ, своим трудом прокормить себя, лагерную охрану и всю администрацию.) В-третьих, лагеря должны были начинаться губернским карательным органам. Эти лагеря, с «легкой» руки самого В.И. Ленина, еще с 9 августа 1918 года стали называться концентрационными. Именно в этот день Ленин отправил телеграмму на имя Пензенского губисполкома, в которой было сказано: «...необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в **концентрационный лагерь** (выделено мной – Г. М.) вне города».⁴⁰

Идея об изоляции врагов Советской власти в концентрационных лагерях появилась вновь 5 сентября 1918 года, после покушения на жизнь В.И. Ленина, в Декрете СНК о Красном Терроре. Имея в виду значение этих документов для большевистского руководства, русский писатель А. Солженицын в книге «Архипелаг Гулаг» пишет: «Так вот где – в письме Ленина, а затем в декрете Совнаркома был найден и тотчас подхвачен и утвержден этот тер-

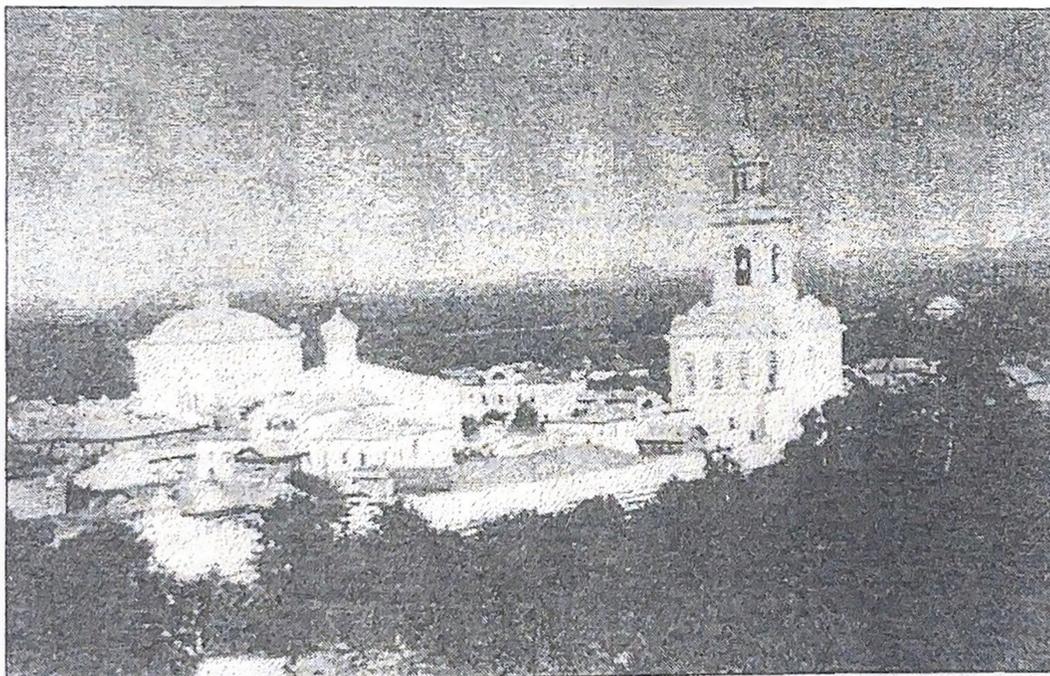
мин – концентрационные лагеря – один из главных терминов XX века, которому предстояло широкое международное будущее! И вот когда – в августе и сентябре 1918 года. Само-то слово уже употреблялось в Первую мировую войну, но по отношению к военнопленным и нежелательным иностранцам. Здесь оно впервые применено к гражданам собственной страны. Перенос значения понятен: концентрационный лагерь для пленных не есть тюрьма, а необходимое предупредительное сосредоточение их. Так и для сомнительных соотечественников предлагались теперь внесудебные предупредительные сосредоточения. Энергичному ленинскому уму, увидев мысленно колючую проволоку вокруг неосужденных, сплутно было найти и нужное слово – концентрационные». ⁴¹

Как по содержанию, так и по характеру и даже местонахождению концентрационные лагеря существенным образом отличались от обычных лагерей принудительных работ. Во-первых, содержание заключенных в концлагерях получило характер изоляции военнопленных, т. е. как бы по праву захвата. Как на войне. Только против собственного народа. Во-вторых, если лагеря принудительных работ Наркомюста вошли в класс «общих мест заключения», то концлагеря находились исключительно в прямом ведении Чека для особо враждебных элементов и для заложников. В концлагеря попадали и через трибунал, и по признаку враждебности. В-третьих, как правило, концентрационные лагеря размещались на территории монастырей, которые были освобождены от их прежних обитателей: монашек и монахов.

В Рязани концентрационный лагерь подобного характера находился на территории бывшего женского монастыря (Казанского). ⁴² Вообще история этой женской обители трагична по-своему, но в то же время в ней – отражение судеб сотен монастырей России. Прежде всего следует отметить, что это крупное культовое сооружение появилось на окраине города, недалеко от рязанского

Кремля, в 1786 году. В основном в монастырь приходили девицы и женщины из купеческих и дворянских семей. Комплекс обители рос десятилетиями. По одной версии, к его проектированию приложил руку знаменитый архитектор Михаил Казаков. В целом на территории монастыря насчитывалось около 40 каменных и деревянных зданий. Существовало и кладбище, где кроме монахинь хоронили знатных рязанцев – людей благородного и купеческого сословий.

После Октября 1917 года большевики быстро смекнули, что монастыри как нельзя лучше годятся под тюрьмы. И Казанско-Явлинский не избежал подобной участи, став едва ли не первым в числе советских концентрационных лагерей «для враждебных элементов и заложников». Захват этого монастыря большевиками был

*Казанский монастырь г. Рязани. Фото начала XX века.
Снимок сделан с колокольни Воскресенской церкви, находившейся
на пл. Свободы*

*Казанский собор монастыря. Рязань, ул. Затинная. Возведен в 1870.
Фото начала XX века.*

осуществлен 1 августа 1918 года по ордеру Чека. Сначала были захвачены свободные помещения, а монахиням было дано указание переселиться с левой стороны, из больших корпусов, на правую, в маленькие деревянные кельи. Руководство монастыря обратилось в Чека с просьбой разделить территорию монастыря пополам колючей проволокой и открыть храм для богослужений. Ничего не было сделано. Первое время разрешали проводить лишь воскресеную службу без посторонних, затем все это было запрещено, и всех обитателей монастыря попросили «покинуть помещения».

С августа 1918 года в концентрационный лагерь принудительных работ города Рязани определяли представителей буржуазии, духовенства, контрреволюционеров, бывших офицеров царской армии, родственников белоохранителей, политически неблагонадеж-

ных, а также лиц, совершавших должностные преступления. Но самыми первыми обитателями концлагеря были заложники. И было их так много, что все не могли поместиться в городских тюрьмах. Монастыри же были для чекистов удобным и спокойным местом: вокруг высокие каменные стены, кругом колючая проволока, внутри большая церковь, куда загнали людей, и много иных помещений: кельи, трапезная, гостиница, а также с десятков маленьких деревянных домиков, где раньше жили обеспеченные монашки, имевшие свое хозяйство.

К февралю 1921 года на территории этого концентрационного лагеря оказались заключенные офицеры вооруженных сил Республики Армения. Их привозили в Рязань в столыпинских вагонах постепенно, в течение нескольких месяцев, сначала большими партиями по 100-120 человек, затем небольшими группами и даже в одиночку. Их внешний вид был довольно-таки жалким, военное обмундирование поношенным. Абсолютное большинство не имело полушубков, пальто, шинелей и было обуто в лёгкие солдатские ботинки. Лишь сосредоточенный взгляд, осанка, выправка, походка были показателями их принадлежности к кадровому офицерскому корпусу.

Представители вооруженных сил Армении оказались в Рязани в жестокое для города и всей России время. Кругом холод, голод, всеобщее разорение. В своем письме от 26 марта 1921 года на имя Ленина, Троцкого и Сталина нарком ССР Армении по иностранным делам А. Бекзаян отмечал: «В чрезвычайно трудных условиях лагерной жизни офицеров армянской армии».⁴³ Такое положение объяснялось не только тяжким экономическим положением страны, но и резко отрицательным отношением лагерного начальства к армянским офицерам. Их считали чужаками, военнопленными, контрреволюционерами, преступниками, хотя абсолютное большинство этих армян были офицерами русской армии,

они влились в состав вооруженных сил Республики Армения лишь в 1918 году, после героического Сардарapatского сражения.

Враждебное, высокомерное отношение к армянам постепенно сменилось в процессе непосредственного общения с ними. Уже в начале апреля 1921 года в лагере были организованы объекты для санобработки одежды, стирки белья, открылась баня и т. д., что избавило наших земляков от различных нательных и постельных паразитов. К тому времени, пишет А. Солженицин, в лагере были созданы мастерские: ткацкая, портновская, сапожная, и начались «общие работы», ремонт и строительство в городе. Заключение выводили строем, под конвоем, но мастеров-одиночек по роду работы выпускали бесконвойно, и жители подкармливали их у себя дома. Население Рязани очень сочувственно относилось к заключенным. Проходящей колонне подавали милостыню, конвой не мешал принимать подаяния, и заключенные делили все полученное поровну. Особенно удачливые из них устраивались по специальности в учреждениях и тогда получали пропуск для хождения по городу. Кормили в концлагере таким образом: полфунта хлеба (плюс еще полфунта выполняющим норму), утром и вечером кипятков, среди дня – черпак баланды. В лагере были созданы драматический и хоровой кружки, духовой оркестр, который давал концерты в зале бывшего благородного собрания в городском саду.⁴⁴

Хорошие отношения установились также между офицерами Армянской армии и местной армянской диаспорой. Правда, к этому времени в жизни местных армян произошли существенные изменения. После отделения церкви от государства и школы от церкви в 1919 году закрылась Рязанская армянская воскресная школа. Детей-сирот отправили в город Саратов, где с октября 1919 года действовали армянская школа и клуб имени Степана Шаумяна. Вместе с детьми в Саратов отправилась и часть их близких

родственников. Другая часть армян Рязани переехала в Москву, Краснодар, Ростов, Тифлис, Ереван. Но в Рязани осталось определенное количество армян. Более того, среди заключенных офицеров Армянской армии были несколько человек – бывшие бойцы Армянского батальона, семьи которых находились в Рязани. Конечно, их жены сразу же узнали о местонахождении своих мужей. Но они могли увидеться со своими мужьями только после истечения лагерного карантинного срока. В дальнейшем эти встречи стали более или менее регулярными. Но не только эти женщины пришли на помощь к соотечественникам. Все армяне города стремились облегчить жизнь своих попавших в беду земляков: они доставали им продукты, лекарства для больных, шили и чинили их одежду, обувь, рукавицы. Офицеров приглашали по очереди в гости, помогали им по-возможности. Эта помощь имела очень важное значение, в особенности на первом этапе их пребывания в концлагере.

Лагерная жизнь заключенных офицеров Армянской армии протекала по-своему. Прежде всего следует отметить, что их размещали в центральном зале большой церкви, гостинице и еще в нескольких соседних деревянных помещениях, в которых имелись обыкновенные тюремные нары, а для полковников и генералов – железные кровати с никелированными завитушками и обыкновенные диваны того времени. Все атрибуты постельного белья были, конечно, не первой свежести. Они были унаследованы от прежних обитателей, то ли монашек, то ли заключенных.

В жилых помещениях было холодно, они не отапливались. Армяне стремились спастись от рязанских морозов при помощи зажженных на территории лагеря костров. Но не тут-то было. Комendant лагеря Карасёв издал грозный приказ предупреждения, в котором было сказано: «С сего числа категорически запрещаю разводить в стенах лагеря костры, а равно и топить печки, посему приказываю под строгую ответственность установить через кор-

пусных старост за этим самое строгое наблюдение, причем всех замеченных в этом задерживать и направлять в мое распоряжение на предмет передачи их суду революционного трибунала. Командант Карасев».⁴⁵

Выход из этой тупиковой ситуации офицеры находили оригинальными способами. При помощи местных жителей они зажигали костры у стен монастыря, а горячие угли заносили в спальни в обычных ведрах. Так, они нагревали воду и на английский манер, клали в постель бутылки с горячей водой. Кроме того, они научились топить в железных печах или в обыкновенных ведрах выдержанные в керосине кирпичи. Словом, при помощи солдатской смекалки армянские офицеры создавали сносные условия в лагерной жизни.

Конечно, армянские офицеры отличались по характеру и темпераменту, возрасту и физической закалке, образованию и по званию. Среди них были генералы и полковники, майоры и капитаны, прапорщики и подпоручики. Они отличались друг от друга и по человеческим качествам. Но общая трагедия всегда сближает людей. За редким исключением армянские офицеры общались между собой по-товарищески, мирно, спокойно-сочувственно. Они не только делили между собой различные подношения горожан или заработанное, но и из своего скудного лагерного пайка выделяли долю для больных. В деле заключенных офицеров армянской армии имеется только один единственный донос!⁴⁶

По-особому относились армянские офицеры к своим генералам. Они постоянно поддерживали их материально и морально. Со временем все генералы перешли жить в общие помещения, поближе к офицерам. Так 21 апреля 1921 года из лагерного лазарета вернулся житель Еревана генерал Юлиан Франкович Брзежинский. В своем письменном обращении к лагерному начальству он просил разрешить ему перейти жить в общие помещения,

быть ближе к своим офицерам. Просьба генерала была удовлетворена.⁴⁷ Вслед за Брзежинским к офицерам перешли и другие генералы. Когда заболел генерал Николай Григорьевич Павловский, то, с разрешения коменданта лагеря, офицеры организовали дежурство у его постели. Пока он лежал, офицеры приносили ему найденные ими же молоко, белый хлеб, сыр, лук и т. д. «Нам было не стыдно массажировать и даже мыть ноги нашим генералам», – рассказывал автору много лет спустя один из армянских офицеров, ставших рязанцами. Всеобщей любовью лагерников пользовался генерал-лейтенант Константин Михайлович Гамазов. Он был очень грамотным, начитанным человеком, хорошо знал историю России, Армении, Кавказа, Ближнего Востока, владел несколькими языками, играл почти на всех народных инструментах Кавказа. Как выходец из Тифлиса, он любил хорошие застолья, содержательные, мудрые тосты, вмешивался в работу лагерной самодеятельности, протестовал против грустных мелодий. «Ребята! – говорил он. – При помощи «Воскан ахпера» («братец охотник») трудно одерживать победу над нашими врагами. Нам нужны песни, которые возбуждают в нас дух патриотизма, самоотверженности, героизма. Почаще исполняйте песни нашего зоравара Андраника: 67-летний генерал мечтал о настоящей работе по специальности на родной земле. «Армения окружена врагами, – говорил он. – Она нуждается в современных вооруженных силах. Федаины-одиночки – это воины вчерашнего дня».

В рязанском концлагере непререкаемым авторитетом пользовался герой обороны Карсской крепости и города, генерал Александр Павлович Бой-Мамиконян. Он был инвалидом. При обороне Карса получил тяжелые увечья. У его постели офицеры организовали нечто подобное «Красному уголку». На длинном самодельном столе лежали газеты, книги, карты и т. д. Вокруг Александра Павловича постоянно толпился народ. По вечерам, до от-

боя, здесь происходили бурные дебаты по проблемам Первой мировой войны, образования и существования Республики Армения, русско-армянского союза и т. д. Генерал был человеком энциклопедического ума. В его сознании, как кадрового офицера русской армии и последовательного патриота армянского народа, глубокие знания истории военного искусства сочетались с объективной характеристикой национально-освободительного движения нашего народа. В отличие от некоторых выходцев из Западной Армении и некоторых русскоязычных офицеров, Бой-Мамиконян особым образом ставил вопрос о значении русской ориентации для существования армянской государственности. С особой теплотой генерал говорил о своих русских и армянских солдатах, которые при освобождении и обороне Западной Армении проявляли высокий дух стойкости и храбрости. Он говорил, что для офицеров патриотизм солдат является вдохновенным примером для подражания, а русское слово «брат» сделало его разноязычных солдат настоящими братьями.

В военных кругах российской армии генерал А.П. Бой-Мамиконян был известным человеком. В «Деле заключенных офицеров Армянской армии» имеется ходатайство А. Бекзадяна об освобождении генерала, так как «он не мог быть контрреволюционером, противником Советской власти. Он инвалид и очень нуждается в постоянном уходе».⁴⁸ Просьба руководителей Советской Армении не могла быть удовлетворена еще и потому, что генерал А.П. Бой-Мамиконян вслух протестовал против заключения Русско-турецкого договора от 16 марта 1921 года. «Кавказская армия, – говорил генерал, – проливала кровь, освободила Западную Армению, но большевики отдали нашу победу вечным врагам России – туркам». Опираясь на инкрустированную палку из кизилового дерева, с гордо поднятой головой, генерал шагал по территории лагеря. Он часто повторял слова армянского народного по-

эта-гусана Дживани: «Невзгодные дни придут и уйдут». Наш народ всегда высоко оценивал патриотов Армении, в особенности тех, кто защищал честь и достоинство Родины, и гордился ими. От Вардана Мамиконяна и Смбата Бакратуни, до Андраника и Спарапета Нждеха, Баграмяна и Бабаджаняна, Исакова и Ханферяна (Худякова). Среди этой плеяды патриотов заслуженное место занимает генерал Бой-Мамиконян. Вот с кого должны «делать жизнь» новые поколения защитников нашей Армении.

В Рязанском концлагере офицеры занимались не только политинформацией по военному искусству. Каждый из них был специалистом в своей области. Но вместе с тем они имели определенное отношение к сельскому хозяйству и к ремеслу. Поэтому вскоре в лагере появились и новые лапти, и самодельные сани, а также музыкальные инструменты типа свирели, которые были изготовлены из ветвей тополей. Еще задолго до создания лагерного духового оркестра на территории лагеря звучали армянские и русские песни.

Концентрационный лагерь города Рязани относился к разряду фильтрационных. Подобные лагеря создавались не только для изоляции нежелательных лиц, но и для того, чтобы при помощи индивидуального подхода к каждому из заключенных выяснить их классовую и партийную позицию и принадлежность. После тщательной фильтрации каждый заключенный мог бы получать свое: одни могли освободиться сразу, другие – через некоторое время, третьи могли получить сроки и т. д. Однако в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» отсутствуют какие-либо фильтрационные документы. Это значит, что армянские воины были арестованы не для фильтрации. Скорее всего, это было сделано для того, чтобы облегчить переговоры и в особенности подписание Русско-турецкого договора от 16 марта 1921 года.

С заключенными офицерами Армянской армии начальство не занималось фильтрационной работой. Но их использовали как обыкновенную рабочую силу. В первые дни своего пребывания в концлагере они выполняли различные работы, связанные большей частью с приспособлением жилищ монастыря для размещения заключенных армян. Но с конца февраля 1921 года заключенных разделили на группы для использования их труда в городе. Первая группа в составе 125 человек офицеров Армянской армии стала работать на деревоотделочном заводе. По своей инициативе и с разрешения руководства лагеря и Губчека офицеры производили реконструкцию завода, упорядочивали процесс труда, производили специализацию цехов.⁴⁹ Помимо основной работы, производства строительных материалов, завод стал производить обеденные столы, стулья, табуретки и другие предметы бытового назначения. На заводе выполнялись и определенные военные заказы: специальные ящики для сложения винтовок и патронов, кузова для автомашин, демонстрационные щиты для стрельбищ. По характеристикам руководства завода, а также по документам лагеря, армянские офицеры работали на совесть, со знанием дела, хотя многие из них впервые оказались в заводских цехах. Благодаря их труду и в особенности производственной дисциплине, завод стал работать более рентабельно, начал принимать заказы, даже от частных лиц.⁵⁰ Можно было работать еще лучше, но этому мешало то обстоятельство, что армянским офицерам приходилось каждое утро строем отправляться из лагеря на работу, а вечером возвращаться в лагерь заключенных. Баланду они получали на работе.

После ремонта подсобных помещений руководство завода стало ходатайствовать перед Губчека и лагерным начальством с просьбой о переводе армянских офицеров на постоянную работу на завод, с предоставлением им жилья типа общежития на терри-

тории завода. По договоренности, кроме основного питания, заключенные должны были получать и нечто похожее на зарплату. С разрешения Губчека начальник лагеря Карасев 10 мая 1921 года издал приказ за № 136, в котором, в частности, было сказано: «§ 6. Отправленных на государственный деревоотделочный завод заключенных офицеров Армянской армии, согласно прилагаемому списку (125 человек), исключить из состава заключенных и со всех видов довольствия с 16 мая сего года».⁵¹

16 мая 1921 года армянские офицеры, вместе со своими генералами, перешли на постоянную работу на завод. Положение этих офицеров значительно улучшилось после того, как они стали выполнять частные заказы для различных предприятий города. С разрешения директора завода они изменили распорядок дня и стали работать в течение всего светового дня. Армяне не боялись трудностей. Они должны были работать. Они хотели работать, чтобы выжить, чтобы хотя бы днем забывать о предательстве, о вероломстве новых властей, которые с такой легкостью пытались избавиться от честных патриотов России, самоотверженных защитников Отчизны. Несмотря на предательство большевистских руководителей и своё жалкое положение, они не теряли надежды, мужества и гражданского лица. Оставаясь офицерами, они надеялись на справедливость, на лучшее будущее. Они хорошо понимали, что «при дурных обстоятельствах и орел может оказаться в капкане».

Вторая большая группа заключенных офицеров Армянской армии (около 100 человек) была занята заготовкой топлива для города из лесов, находящихся вдоль линии узкоколейной железной дороги, которая была построена еще в 1893-94 годах и соединила местную пристань на реке Оке с населенными пунктами Поляны-Солотча-Ласково-Пенкино. Эта дорога имела большое значения для экономического и бытового развития города. По ней перево-

зили лес и многое другое. Но из-за общенационального кризиса эта малая железная дорога, начиная с 1917 года, работала с перебоями. Экономическая разруха доходила и до объектов такого характера. И это естественно! Вот уже который год проклятая война забирала мужское население города, страны. Сначала Первая мировая или, как тогда говорили, германская война, затем гражданская. Около семи лет продолжалась трагедия России и россиян.

Голодные, почти раздетые заключенные офицеры справились и с этой задачей. Факт остается фактом, что сначала местные крестьяне окружающих населенных пунктов к ним относились настороженно, свысока, почти враждебно. Но постепенно все изменилось, уладилось. Труд всегда сближает людей, определяет цену человеческих качеств. Именно труд сближал армян с местным населением. Снабжение города топливом стало регулярным. «Кукушка» по расписанию извещала горожан о прибытии очередной партии необходимого груза. Труд новоявленных заготовителей и железнодорожников был оценен не только благодарными горожанами, но и начальником концлагеря, человеком жесткого характера, Карасевым. 11 апреля 1921 года он издал приказ: «За хорошую работу выделить для заключенных офицеров армянской армии, работающих на заготовке топлива для горожан, 50 пар обуви и дополнительный паек хлеба».⁵² Подобные поощрительные приказы появлялись и в дальнейшем. С наступлением весны и лета положение этой группы офицеров в значительной мере улучшилось. Привыкшие к растительной пище армяне могли употреблять такие растения, как крапива, щавель, некоторые другие виды зелени, пригодной для еды.

Третья группа заключенных офицеров армянской армии (около 50 человек) с самого начала лагерной жизни занималась ремонтом различных помещений монастыря, а затем и строитель-

ством домов в городе. По заявлению некоторых старожилов города, усилиями армянских строителей были построены главным образом кирпичные дома барачного типа в районе нынешней площади Свободы (возле Дома крестьянина), двухэтажный дом напротив Парка культуры и отдыха, одноэтажный многоквартирный кирпичный дом в районе улицы Радищева, одноэтажные дома на улице Некрасова и т. д. Работа этих заключенных была также поощрена руководством концлагеря Карасевым. Армянские строители получали обмундирования, обувь, нижнее белье, хлебные пайки и т. д.⁵³

Четвертая группа заключенных офицеров армянской армии работала в портновской и сапожной мастерских. В начале армяне работали под руководством местных мастеров. За короткий промежуток времени армяне научились шить нижнее белье, портянки, простыни, а также солдатские сапоги и ботинки. Кроме того, армяне производили также необходимые материалы для ресторанов и столовых. По мере возможности эти офицеры обращали внимание на одежду и обувь своих лагерных товарищей.

В более худшем положении оказались те заключенные офицеры армянской армии, которые должны были заниматься поддержанием санитарного состояния города. Им приходилось постоянно работать на открытом воздухе, где температура иной раз понижалась до минус 15-20 градусов. Не имея теплой одежды, южане быстро выходили из строя. Насморк, а порой и грипп сопровождали их на каждом шагу, не говоря уже о более серьезных заболеваниях, и многие оказывались на больничной койке. По сообщению коменданта лагеря Карасева, только за март 1921 года 46 человек из заключенных офицеров армянской армии находились в лазарете в течение десяти-пятнадцати дней.⁵⁴ Кроме того, сам характер труда был унижительным и оскорбительным для офицеров. Приходилось подметать улицы, чистить крыши домов,

собирать всевозможные отходы, мусор, с грязными ведрами в руках, мешками на плечах. Молодые, симпатичные, воспитанные и образованные офицеры были постоянно на виду у горожан. А ведь это были не просто молодые люди, а лучшие представители армянской нации, ее цвет и гордость. После подобной работы многие из этих офицеров должны были брать в руки музыкальные инструменты и выходить к людям, выступать перед горожанами. Но кто в Чека обращал внимание на такие «мелочи»? Заключенные при Советской власти были лишены всех гражданских прав. Диктатура пролетариата абсолютно не считалась с древнейшим принципом прав – презумпцией невиновности. Арестовали, значит ты виноват. И уж, конечно, морально-этические тонкости были просто растоптаны.

Единственным утешением для заключенных, этих санитаров города, была работа в частных домах, хозяева которых не скупилась на лишний кусок хлеба, тарелку супа или вареной картошки. В таких домах армянские офицеры как бы возвращались к цивилизованному миру, к живым существам, родным берегам. Совершенно естественно, что иногда эти встречи заканчивались любовными романами... Но все-таки оставалась боль души. Трагедию советского заключенного может понять лишь тот, кто сам, хотя бы недолго, находился в наших концлагерях.

По сравнению с другими заключенными, офицеры армянской армии, в более сносном бытовом положении оказались те, кто находился в распоряжении руководства лагеря. Документы показывают, что эти офицеры имели городские пропуска и в свободное от работы время ухитрялись бывать в любой точке города. Выполняя поручения своих начальников, они общались с работниками различных организаций и учреждений, в которых можно было найти нужных им людей. Пользуясь пропусками, некоторые из армянских офицеров устанавливали связи с горожанами в их домах,

квартирах, становились домашними учителями по математическим и техническим дисциплинам, по музыке, рисованию, успевали выполнять отдельные поручения различных хозяев и т. д. Одним словом, эти офицеры постоянно находились «у котла». Для них, конечно, существовало больше возможностей на получении еще одного черпака баланды, несколько минут они могли дальше находиться в теплом помещении, хотя бы одним глазом увидеть книги, просматривать газеты и т. д. Но не более того. Не следует абсолютизировать «свободу» этих заключенных. В концлагере нельзя было найти даже следа свободной жизни. Положение армянских офицеров этой группы скорее всего походило на жизнь героя повести Александра Солженицина Ивана Денисовича, интересы которого лагерная жизнь ограничила коренным образом. Ему оставалось лишь мечтать о том, чтобы прожить еще один день. Выжить еще один день, продлить свое существование еще на 24 часа. В морально-психологическом смысле эти офицеры находились в более униженном положении, чем другие. Заключенные, работавшие на деревоотделочном заводе, на заготовке топлива, строители-ремонтники, даже санитары улиц лучше сохранили свои человеческие качества. Никто не посмел бы приказать им чистить сапоги начальника, топить баню для его семьи и т. д. Находиться у котла – означало находиться на краю пропасти. Надо было иметь мужество и гражданскую гордость, чтобы не скатиться на дно концлагеря.

При рассмотрении особенностей лагерной жизни заключенных офицеров армянской армии, нельзя умалчивать и о такой группе, как музыканты, певцы и работники драматического кружка. Казалось, что артисты не испытывали тех трудностей лагерной жизни, того психологического, стрессового состояния, которые для других было постоянным. Но это лишь на первый взгляд. Это не соответствует действительному положению вещей. У работников

искусства, независимо от того, являются ли они профессионалами или всего лишь любителями, более тонкая душа, легко ранимая природа характера и духа. Человеческие трагедии в них отражаются не только непосредственно, но и в более драматизированной форме. У представителей такого рода людей, как гласит старая мудрость, «глаза всегда на мокром месте».

Следует отметить, что лагерный духовой оркестр был создан не сразу. Не только из-за нехватки необходимых инструментов. В начале у лагерного начальства было высокомерное отношение к творческим возможностям армянских офицеров. Эти так называемые коммунисты-интернационалисты мало чем отличались от дореволюционных высокопоставленных, высокомерных чиновников, для которых национальные меньшинства в России были менее цивилизованными, образованными. В этом отношении комендант лагеря Карасев существенным образом отличался от других в лучшую сторону. Он был жестким, но весьма порядочным человеком, стремился понять смысл всего того, что происходит в стране. Он пытался ближе познакомиться с заключенными. Ему imponировало то, что заключенные офицеры не опустили и не потеряли человеческой порядочности, в особенности по отношению к своим генералам. Именно Карасеву принадлежит инициатива, заслуга создания в лагере духового оркестра. Именно он доставал музыкальные инструменты. С появлением этих инструментов начались непрерывные репетиции и учеба новичков. Лишь в конце апреля 1921 года оркестр был готов к выступлениям на территории лагеря и в городе. Еще один момент. Музыканты не были освобождены от своих основных работ. Для них занятия в оркестре проходили, говоря словами советской эпохи, на общественных началах. Другое дело, что комендант лагеря по своей инициативе иногда поощрял отдельных музыкантов, освобождал их от работы, предлагал пропуск в город, разрешил пользоваться инст-

рументом в рабочее время, выписывал для них обувь, одежду, пайки.⁵⁵

Трудно было с хором. Среди заключенных офицеров армянской армии не было женщин. Это создавало массу трудностей при организации коллективного пения. С разрешения Карасева в лагерьном хоре участвовали и представители обслуживающего персонала, и даже лица из охраны лагеря. В репертуаре хора имелись произведения классиков, русские народные песни и даже популярные армянские песни «Караван», «Ласточка» и т. д. После организации хора в лагере появился и драматический кружок. При отсутствии женщин исполнители кружка вначале ставили на сцене лишь так называемые боевые эпизоды. Не думая о последствиях, они показали на сцене эпизоды из русско-турецкой и русско-немецкой войны. И это в то время, когда в Москве велись переговоры, а затем и был подписан Русско-турецкий договор, по которому Армения была лишена своих исконных земель. Поступок кружковцев был характеризован лагерным начальством как провокация, направленная против дружбы между двумя государствами. Кружковцы подверглись дисциплинарному наказанию.⁵⁶ В конце марта 1921 года из Тифлиса пришла посылка на имя заключенного генерал-майора Базаева Рубена Аветовича. В ней имелись и книги армянских писателей. Драмкружковцы организовали спектакли по мотивам рассказов Ованеса Туманяна «Хозяин и работник», «Охотник-врун» и, конечно, «Гикор». Вскоре в работе драмкружка, с разрешения лагерного начальства, стали участвовать и женщины – работники лагеря. Тогда на лагерной сцене появились спектакли по произведениям классиков драматургии. Как и следовало ожидать, на первом месте был знаменитый «Ревизор» Гоголя.

Таким образом, в лагерной жизни не могли быть привилегии по производственным признакам. Доставалось каждому в отдель-

ности, и всем вместе. Высокие стены территории старинного монастыря, колючая проволока, хмурые, постные лица охранников – лагерная система и атмосфера была совершенно одинаковой для всех заключенных офицеров армянской армии. Вдали от родных берегов, в униженном, оскорбительном состоянии, лишенные чести и достоинства гражданина жили офицеры, защитники отечества, без теплого взгляда родителей, улыбки любимой, жены, детей, внуков. Кто может в таких условиях чувствовать себя хорошо, спокойно? Рабство, оно всегда есть рабство.

Часть третья

Беззаконие становится законом

Депортация представителей национального офицерского корпуса имела место не только в Армении, но и в Азербайджане и в Грузии. Трагедия была всеобщей. Но это только на первый взгляд. Особый подход руководителей Советской власти к Армении и ее вооруженным силам и в данном случае прослеживается от начала и до конца. Эти процессы лишь по форме, по внешним признакам являются однотипными. По существу же они коренным образом отличаются друг от друга не только по содержанию, но и по масштабности, и по целям. Прежде всего, принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в Азербайджане и в Грузии высылка местных офицеров в концентрационные лагеря России проводилась после антисоветского вооруженного восстания в этих республиках, в которых принимала активное участие значительная часть офицеров национальных вооруженных сил. Как организованные мусаватистами и турецкими оккупантами Гянджинское восстание в конце мая 1920 года, так и мартовские выступления 1921 года грузинских меньшевиков в Кутаиси ставили перед собой задачу ликвидации местной Советской власти, перехода этих республик под покровительство Турции и Германии. В Армении же февральское восстание 1921 года произошло в результате антинародной политики Советской власти. Одной из существенных причин этого выступления была как раз высылка офицеров Армянской армии.

Важно отметить и то обстоятельство, что в Азербайджане и в Грузии депортация офицеров национальных армий не могла привести к разрушению вооруженных сил этих стран, так как она охватила значительно меньшее количество людей, чем в Армении.

Всего 200-250 офицеров этих республик были отправлены в концлагеря России. Нельзя умолчать и о таком факте: всем офицерам Азербайджана и Грузии было позволено брать собой зимнюю одежду, еду и предметы быта.

Архивные документы показывают, что главным объектом преследования были вооруженные силы именно Армении. Поэтому аресты армянских офицеров проводились не только на территории Армении, но и в Тифлисе и в особенности в Баку, где аресты армянских офицеров начались еще раньше, с мая 1920 года. Хорошо известно, что из 20 тысяч вооруженных сил Бакинской коммуны 16 тысяч были представители армянского народа. Как отмечал С.Г. Шаумян, участие армянских вооруженных сил в борьбе за Советскую власть против мусульманских контрреволюционеров пантюроксты пытались объяснить исключительно национальной враждой и внушали всем, что в Баку не было борьбы за Советскую власть, а была только резня, устроенная армянами против мусульман⁵⁵. После падения Бакинской коммуны определенная часть армянских офицеров (больные, инвалиды, отпускники и т. д.) остались в Баку. Их аресты начались сразу же после установления Советской власти в Баку.

При рассмотрении проблемы депортации местных офицеров нельзя не отметить роль и позицию руководителей Закавказских республик, которые, будучи проводниками общей политики руководства коммунистической партии на местах, в то же время перед собой ставили свои, так сказать, национальные задачи. В этом отношении наиболее последовательным защитником интересов своей республики оказался Нариман Нариманов. Это был человек, который по каждому вопросу внутренней и внешней политики большевиков в Закавказье стремился навязать свою волю большевистскому правительству России и лично Ленину. Он умел извлечь максимальную выгоду из особого отношения большевиков

к кемалистскому движению в Турции. Под флагом борьбы за мировую революцию большевики за счет Армении и армянского народа стали удовлетворять все военно-политические требования Турции и Азербайджана.

Особая позиция Нариманова проявилась и при решении данного вопроса. Он стремился всеми силами не допустить высылки азербайджанских офицеров в концлагеря России. Но на этот раз он столкнулся с твердой позицией командующего XI Красной Армии Геккера. Переговоры между Наримановым и Геккером шли до августа 1920 года. На настойчивые требования Геккера об отправке «мятежников в глубь России» Нариманов ответил своим письмом в В.И. Ленину. Знакомство с этим письмом может убедить каждого в том, что «Восток – дело тонкое». Здесь умеют при помощи политической алхимии превратить национализм в интернационализм и пролетарский патриотизм. В своем письме на имя В.И. Ленина, Нариманов писал: «Во время Гянджинского восстания все офицеры старой азербайджанской армии были арестованы, в числе их были и податели сего известные генералы Мехмандаров и Шихлинский. После тщательного расследования оказалось, что эти генералы не причастны, но все же до упрочения нашего положения и с целью помочь нашему общему делу мы решили их отправить в Ваше распоряжение для работы в штабе, так как они, как военные специалисты, являются незаменимыми. Один из них, Шихлинский, в Николаевской армии считался «богом артиллерии». До окончания польского фронта пусть они работают в Москве, а затем попрошу отправить их к нам для формирования наших частей. Но необходимо за это время за ними поухаживать. Политическое убеждение их: они ненавидят мусаватистов, убеждены, что Азербайджан без Советской России не может существовать, являются врагами Англии, любят Россию».⁵⁸

Великолепная характеристика и рекомендация... Но о чем

свидетельствуют факты, документы? Вот что сказано в донесении наполенштарма XI-й Красной Армии Воронцова и военкома Добронравова начальнику оперативного управления Кавказского фронта от 13 июня 1920 года: «...за истекший отчетный период с 7 по 13 сего июня наблюдается продолжение повсеместного брожения мусульманского населения Елизаветпольской губернии против Советской власти, разжигаемого муллами, ханами и беками, которые пользуются для этой цели фанатичной религиозностью мусульман... Восстание носит партизанский характер, общей сплоченности и единения между повстанческими отрядами нет. Выяснить общую численность повстанческих банд не представляется возможным. Из вожаков и организаторов восстания наиболее видные: генерал Шихлинский, бывший начальник карабахского отряда Зейналов, мулла Эфендиев и Нури-паша. В обучении и командовании нередко принимают участие турецкие офицеры».⁵⁹ Можно ли на основании этого официального документа ставить вопрос о ненависти Шихлинского к мусаватистам, о том, что он является убежденным сторонником союза Азербайджана с Советской Россией? Но это еще не всё. Шихлинский был одним из организаторов мусаватистского наступления против Нагорного Карабаха. 21 марта 1920 года мусаватисты стянули под Аскеран почти всю свою армию во главе с главнокомандующим генералом Мехмандаровым и Шихлинским, надеясь одним коротким, но страшным ударом покончить с карабахскими повстанцами, обеспечить свой тыл и тогда сосредоточиться на северном бакинском фронте, откуда ждали наступления красных войск.⁶⁰

Таковы факты. Так было в действительности. Но благодаря тонкому ходу восточной политики Нариманова, руководящие деятели вооруженных сил мусаватистского Азербайджана, точнее военный министр Мехмандаров и его первый заместитель Шихлинский, т. е. те, кто атаковал подступы Нагорного Карабаха и

Бакинской коммуны, кто поднимал вооруженное восстание против Советской власти, быстро изменили политический цвет лица, нашли теплое местечко в военных ведомствах Красной Армии в Москве. Пока офицеры вооруженных сил Советской Армении в столыпинских вагонах колесили по холодным просторам России в сторону Рязани, Архангельска. Мехмандаров и Шихлинский и другие в мягких вагонах первого класса уже возвращались в Баку на постоянное место жительства и работы.

Коварство и вероломство политики Нариманова проявлялись по многим направлениям: прежде всего следует отметить, что он был одним из руководителей Бакинской коммуны, возглавлял комиссариат по делам городского хозяйства.⁶¹ Но в июне 1918 года он выехал в командировку в Астрахань и больше не вернулся в Баку. По существу он дезертировал со своего поста.

28 апреля 1920 года в Баку произошла мирная передача власти мусаватистами большевистскому Ревкому. Нариманов стал председателем советского правительства этой республики. Первый же шаг этого правительства был направлен в сторону насильственного порабощения властью Азербайджана армянского трудового крестьянства Карабаха, Гардмана, Утика и т. д., вопреки категорически и неоднократно выраженной воле местных армян. Если принять во внимание не только провокационную ноту армянскому правительству о принадлежности Карабаха, Зангезура Азербайджану, но и непосредственную связь азербайджанского правительства с руководителями турецкого империализма Мустафы Кемалю, организатором резни армян в Киликии, участие в государственной жизни Азербайджана Энвера, Халила и Нури-пашей, запятнавших себя чудовищной резней армян в Турции и на Кавказе, в частности в Баку, то естественно, что правительство Азербайджана нельзя было считать демократическим, тем более социалистическим.⁶²

Политика Нариманова была направлена против армянского народа. Он был противником армян и не скрывал этого. «Вообще я избегаю встреч с Наримановым, – писал 9 августа 1920 года дипломатический представитель Республики Армения в Баку, – потому что у него отсутствует даже свойственная турецкому племени манера поведения, то есть внешняя любезность, и он чересчур явно высказывает свои антиармянские настроения, не стараясь даже завуалировать их покровом вежливости. Он очень часто забывает, что он – коммунист, и явным образом проявляет свой национальный турецкий облик».⁶³ Нариманов всеми силами стремился к тому, чтобы ограничить территориальные, экономические, социально-политические, демографические и военные возможности Армении с тем, чтобы она не смогла противостоять процессу установления территориальной связи между Азербайджаном и Турцией, в другом своем письме к Ленину Нариманов писал: «Я полагаю, что наряду с другими моментами мы можем оказать на Армению большое давление... чтобы получить свободный проход в Анатолию».⁶⁴ С этой целью Нариманов считал нужным постоянно вмешиваться в переговорный процесс между советским руководством и турецкой делегацией, давать советы Ленину, членам турецкой делегации, которые направлялись в Москву через Баку, фальсифицировать факты, клеветать на армянский народ и его политических и военных представителей. Поэтому его декларация от 30 ноября 1920 года об отказе от спорных территории Нахичевана, Зангезура, Карабаха в пользу Советской Армении следует рассматривать как ловкий тактический ход. Турецкие войска находились на территории Армении. Нариманов был абсолютно убежден в том, что турки не позволят передачу этих земель в состав Армении. Нариманов умел с улыбкой на устах делать черные дела. Подписывая свою декларацию, он в то же время поставил перед Лениным вопрос о депортации офицерского корпуса во-

оруженных сил Армении. В своем очередном письме к Ленину он считал нужным выдумать лживую версию о том, что основная масса армянских офицеров – якобы выходцы с Северного Кавказа, деникинцы, которые «переехали в Армению после ликвидации деникинщины на Северном Кавказе». ⁶⁵ Отсюда ясно, что депортация офицеров армянской армии организовывалась не без этого доноса Нариманова. ⁶⁶

Еще об одном малоизвестном факте, об антиармянской политике Нариманова. В существующей литературе очень мало сказано о судьбе армянского населения северных районов Арцаха и исторического Утика, которые были включены позднее в состав Шаумяновского, Ханларского, Дашкесанского, Шамхорского и Кедабекского районов Азербайджанской ССР. По переписи населения 1939 года, в этом регионе проживало около 200 тысяч армян. В годы турецкой интервенции и мусаватистского режима этот, исконно армянский край, последовательно отстаивал свою независимость, не позволяя противнику перейти границу. Центром обороны края было древнейшее армянское село Чардахлу – родина царских генералов А.А. Тер-Гукасова, И.Х. Маргаряна (как детский врач он был лекарем семьи его императорского величества Николая II) и министра внутренних дел Республики Армения С. Г. Манасяна, который был главным организатором отрядов самообороны армянских населенных пунктов. Через известного гайдука-партизана Смбата Мартиросяна он поддерживал постоянную связь со своими земляками, снабжая их необходимым оружием и боеприпасами. В январе 1918 года именно через эти армянские населенные пункты Степан Шаумян отправился из Гянджи в Тифлис. В те дни на железной дороге господствовали мусаватистские банды, которые уничтожали, грабили солдатские эшелоны русских войск, возвращающихся в Россию.

После советизации низменных частей Елизаветпольской гу-

бернии Нариманов решил покончить с армянскими районами Северного Арцаха и Утика при помощи частей XI Красной Армии и красного армянского полка. Состряпав очередную ложную версию о том, что в этих районах дашнаки готовят вооруженное выступление, Нариманов и Гусейнов настраивают Орджоникидзе против армянского населения края. 11 июня 1920 года, находясь в Евлахе, Г.К. Орджоникидзе поставил задачу перед частями XI Красной Армии: подавить мятеж не только Нагорного Карабаха, но и в горных районах Елизаветпольской губернии. Обращаясь к члену Реввоенсовета XI Красной Армии Веснику, он отметил: «Скажите, пожалуйста, что сделано в смысле снабжения армян-повстанцев в Казахском уезде, какие меры приняты для разоружения армянского села около Зегамы, армянского села Чардахлу, освобождения Кедабекского завода, окруженными дашнаками?»⁶⁷

Приказ Г.К. Орджоникидзе не был выполнен, так как красноармейская разведка, побывав в селе Чардахлу, убедилась в том, что здесь нет никаких признаков заговора против советской власти или контрреволюции. Более того, армяне региона действовали рука об руку с русским населением Славянки, Ивановки, Новосаратовки и т. д., и все вместе они с нетерпением ожидали прихода русских войск. Так и докладывали Г.К. Орджоникидзе. Но Нариманов и Гусейнов вновь и вновь обращались к Г.К. Орджоникидзе, как представителю центра. Неизвестно по каким причинам, почему Г.К. Орджоникидзе поддался на провокацию. И ровно через месяц после первого обращения, 11 июля 1920 года, он отправил новую телеграмму на имя командарма XI-й Красной Армии, в которой было сказано: «Только что сообщил тов. Гусейнов, что армян-повстанцев в казахском уезде более 1500 человек, великолепно организованных. Необходимо помочь им патронами, снарядами и дать взвод артиллерии. Гусейнов сообщает, что дашнаки в районе Кетабека вырезают мусульман и армян, на трак-

те между станцией Дзегам и Кетабек Шамхорского уезда имеется контрреволюционное армянское село Чардахлу, необходимо его разоружить, для этого, по словам Гусейнова, достаточно 200 красноармейцев и двести армян, которых дадут из Казаха. Повстанцев и армян-красноармейцев надо отправить на станцию Дзегам в распоряжение уездного ревкома уезда Зятова; туда будут отправлены армяне. Еще раз обращаю Ваше внимание на необходимость помощи армянам-повстанцам».⁶⁸

Итак, опять бредовая идея о дашнаках, которые «вырезают мусульман и армян», опять приказ о разоружения «контрреволюционного села Чардахлу». Но это надо делать руками «200 красноармейцев и двухсот армян», т. е. чужими руками делать подлое дело, и главное, пускай армяне-революционеры разрушают армянское село. До такой подлости не смогли додуматься даже самые кровожадные пантюркисты. Но то, что не позволено туркам, позволено большевикам типа Нариманова. А представитель центра Г.К. Орджоникидзе в руках этих большевиков стал всего лишь марионеткой.

Логика борьбы имеет свои подводные камни и наружные вывески. На словах интернационализм, на деле же пантюркизм самого отвратительного свойства. За первым шагом следует и второй. Для успешной реализации плана по разрушению Чардахлу необходимо избавиться от его руководителей. Нариманов хорошо знал роль Саркиса Манасяна в организации обороны Чардахлу и других армянских населенных пунктов региона. Поэтому он вынашивал подлейший план избавления от этого патриота. В начале июня 1920 года в Казахе состоялась встреча правительственных делегаций Азербайджана и Республики Армении. С армянской стороны присутствовали Манасян, генерал Багдасаров, Джаготян и еще два человека. Вопреки элементарным нормам международного права, представители Армении тут же были арестованы и

отправлены в город Баку.

Правительство Республики Армения несколько раз обращался к руководителям Азербайджана и России с требованием об освобождении Манасяна и его товарищей. На все запросы Армения получала неопределенные, уклончивые ответы. В своем докладе о невыносимом положении армян в Баку и о протурецкой программе Советского Азербайджана соединиться с Турцией путем захвата армянских территорий, дипломатический представитель Армении в Баку Мартирос Арутюнян 31 июля 1920 года заявил: «В предыдущем послании я сообщил, что Манасяна с тремя его товарищами отправили отсюда, вероятно, в Казах. Несколько дней назад, во время разговора с Наримановым, когда я вновь потребовал, чтобы мне, в конце концов, сообщили, где они находятся, живые или мертвые, он мне ответил, что если среди них есть расстрелянные, то это могло быть в Казахе, так как «мы отправили их в Казах в распоряжение тамошнего ревкома Мы их запросили. Как только получим ответ, мы вам сообщим». Так что я до сих пор в неведении о Манасяне и его товарищах».⁶⁹ Представители Армении должны были знать, что имеют дело не с демократами, не с людьми с нормальными человеческими качествами, а с типичными представителями террористической диктатуры, с носителями тоталитарной идеологии. Саркис Манасян и его товарищи были расстреляны на острове Наргил, недалеко от Баку, через 8 дней после их захвата. Антиармянскую политику Нариманов отстаивал до конца своей жизни.

К депортации офицеров Армянской армии непосредственное отношение имел и другой политически деятель из Азербайджана. Это Багиров. Правда, в 1921 году он был еще мелким политиком – всего лишь ответственным работником особого отдела XI Красной Армии. По сравнению с Наримановым он был менее образованным, но более тонким, хитрым и коварным. Чекистом он рабо-

тал до 1933 года, затем стал первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. В 1954 году он был арестован и приговорен судом к расстрелу. В процессе судебного разбирательства выяснились прямо-таки страшные факты из биографии этого политического деятеля. Оказалось, что он скрывал некоторые факты своей биографии, творил произвол и беззакония в республике, избивал партийных, советских и хозяйственных работников, в личном поведении допускал большие злоупотребления. Как выяснилось, Багиров скрыл от партийных организаций, что в 1921 году, во время чистки был исключен из партии за избивание заключенных и за взятки и в 1929 году Президиумом ЦКК привлекался к ответственности за допущение расправы в органах ГПУ в бытность председателем ГПУ Азербайджана.⁷⁰ Каким образом человек с такой биографией через четыре года, т. е. в 1934 году, смог стать первым секретарем ЦК Коммунистической партии республики? Впрочем, это не единственный случай, когда человек с сомнительной биографией оказывается на посту первого секретаря правящей партии.

За последнее время выявились некоторые другие факты из биографии этого партийного деятеля. По рассказам старого члена партии Прилуцкого, в 1918 году Багиров работал помощником военного коменданта города Астрахани. В этом городе «красный комиссар Мир-Джафар Багиров затеял расправу над мятежными гимназистами при подавлении эсеровского восстания. Он накидывал обреченному на голову шинель и стрелял в затылок».⁷¹ Жестокость Багирова Прилуцкий объясняет тем, что «всю его семью вырезали Карадашнаки. Он мстил всем – таким он был устроен».⁷² Итак, мстительность стала неотъемлемой чертой политического характера Багирова. Он стал таким человеком потому, что карадашнаки «всю его семью вырезали». Это называется оправдать садиста при помощи лжи и провокации. Должен подчеркнуть, что термин КАРАДАШНАКИ, т. е. черные дашнаки, –

это совершенно новое приобретение словарного состава азербайджанского языка. Дашнаки, т. е. представители армянской национальной партии социалистической ориентации, никогда не называли себя таким словом. Их не называли так даже турки. Багиров, выходец из Кубинского района северного Азербайджана, его семья, если она существовала, должна была находиться в этом районе, который не был объектом борьбы между двумя правительствами. Другими словами: могли ли дашнаки оказаться в районе, который заселен исключительно враждебными силами, где нет ни одного жителя армянской национальности? Кроме того, в 1918 году Багиров был слишком незначительной, незаметной фигурой. Он не имел никакого отношения к армяно-азербайджанскому конфликту. Так что и с этой точки зрения его семья не могла стать объектом террористического акта. Но сам Багиров имел непосредственное отношение к аресту и высылке армянских офицеров из Баку. Более того, как ответственный работник особого отдела XI-й Красной Армии он составлял личные карточки депортированных офицеров, отвечал за отправку их в Рязань.

Против высылки офицеров Армянской армии протестовал А.Ф. Мясников (Мясникян). Но он узнал об этом факте лишь тогда, когда офицеры находились уже в концентрационном лагере города Рязани. Дело в том, что вопрос о направлении А.Ф. Мясникова на руководящую работу в Армению был решен Оргбюро ПК РКП(б) 21 марта 1921 года. А прибыл он в Ереван только через 45 дней, т. е. 5 мая. Ознакомившись с военным строительством республики, Мясников пришел к выводу, что «высылка бывшего командования из пределов Армении, вступление в армию неопытных людей (многие должности занимают рядовые солдаты) – все это, конечно, сильно подействовало на ее боеспособность».⁷³

А.Ф. Мясников, затем Г. К. Орджоникидзе обращались к руководству страны, а также к начальству Рязанского Губчека и кон-

цлагеря с просьбой ускорить фильтрацию офицеров и отправить их домой. Но безрезультатно. На XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 года делегаты еще раз вернулись к этому вопросу. В частности Ф. Махарадзе сказал: «Высланы были офицеры грузинской армии. Одна часть была выслана по ошибке, другая же освобождена, и т. Орджоникидзе сам это знает; они были высланы в Россию. Мы все добивались их освобождения, и никак мы не могли этого добиться, чтобы их вернули. И сам т. Орджоникидзе несколько раз об этом хлопотал. Такой порядок был установлен с самого начала, и это было неправильно, о чем мы говорили с самого начала».⁷⁴

Армянские коммунисты не участвовали в обсуждении данного вопроса на съезде. К этому времени А.Ф. Мясников уже не работал в Армении. 30 марта 1922 года он был избран первым секретарем Заккрайкома РКП(б). Армянскую делегацию на XII съезде партии возглавлял С.Л. Лукашин (Срапонян). Он участвовал в прениях по национальному вопросу. Но как? В резолюции съезда по национальному вопросу было сказано, что в некоторых республиках, имеющих в своём составе несколько национальностей, «оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Шовинизм грузинский (в Грузии) направлен против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; шовинизм азербайджанский (в Азербайджане) направлен против армян; шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме) направлен против туркмен и киргиз и пр. Все эти виды шовинизма... являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызны и склоки».⁷³ В своем выступлении на съезде С.Л. Лукашин стремился доказать, что такой вид шовинизма имеется и в Армении. Он направлен против турок.⁷⁴ В заключительном слове И.В.

Сталин едко высмеивал позицию Лукашина. «Армянские товарищи захотели, чтобы армяне не были в обиде, чтобы и об их шовинизме тоже упомянули».⁷⁷

Позиция Лукашина свидетельствует о том, что он был посторонним человеком, точнее чуждым элементом в Армении. Выходец из новонахичиванской среды, он получил воспитание и образование в русской среде, стал политическим деятелем-большевиком российского толка. Несмотря на армянское происхождение, он не был представителем национально-освободительного движения армянского народа по существу. Он не был знаком с историей, культурой, психологией армянского народа. В отличие от Махарадзе, тем более Нариманова, Лукашин ни разу не поставил вопрос о судьбе заключенных офицеров армянской армии. Для него то, что делало руководство партии и правительства, являлось истиной. Депортировали офицеров, значит так надо.

На XII съезде РКП(б) Нариманов не удержался от очередного выпада против армянского народа. Но на этот раз он действовал более осторожно, чужими руками. В качестве марионетки он использовал Карла Радека. Того Радека, который в 1918 году был агентом большевиков в Германии. «В его распоряжении постоянно находились два самолета. На одном из них в конце 1919 года в Москву был тайно доставлен бывший турецкий военный министр Энвер-паша, на которого Москва делала серьезную ставку, намереваясь использовать его против англичан в странах Азии». С этой же целью Энвер-паша вместе с некоторыми организаторами геноцида армянского народа был приглашен на съезд народов Востока.

Так что выбор Нариманова не был случайным. Именно при помощи Радека Нариманов состряпал провокационную версию об опасности угнетения в Азербайджане азербайджанцев армянским национальным меньшинством. Получилось это следующим обра-

зом.

23 апреля 1923 года на дневном заседании XII съезда РКП(б), раскрывая особенности превращения оборонительного национализма в наступательный шовинизм в некоторых союзных республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, Сталин в своем докладе сказал: «Среди одной части азербайджанцев тоже имеется такая тенденция, иногда очень неприкрытая, на тему о том, что мы, дескать, азербайджанцы коренные, а они, армяне, – пришельцы. Нельзя ли по этому случаю немного отодвинуть назад, не считаясь с их интересами. Это – тоже шовинизм. Это подрывает то равенство национальностей, на основе которого строится Советская власть».⁷⁸

Буквально на следующий день, 24 апреля 1923 года, на утреннем заседании XII съезда партии, в прениях по национальному вопросу Карл Радек заявил, что в Азербайджане существует, якобы, опасность угнетения азербайджанцев армянским национальным меньшинством. «Об этих тенденциях армянского национализма, как сказал Радек, ему стало известно на съезде со слов одного ответственного товарища из Азербайджана».⁷⁹

Провокационное сообщение Карла Радека было разоблачено делегатами съезда. В коллективном письме азербайджанская делегация (за исключением Нариманова) писала, что «заявление Радека не соответствует действительному положению вещей и основано на неправильной и ложной информации, которую преподносят тов. Радеку азербайджанские уклонисты».⁸⁰

В своем заключительном слове Сталин, касаясь заявления Карла Радека, отметил: «Радек говорил о том, что армяне угнетают или могут угнетать в Азербайджане самих азербайджанцев... Я должен заявить, что вообще таких явлений в природе не бывает. Бывает их обратное явление, что в Азербайджане азербайджанцы, как большинство, угнетают армян и режут их, как это было

в Нахичевани, где вырезали почти всех армян... Но чтобы в чужом государстве меньшинство угнетало людей большинства, – таких неестественных вещей никогда не бывало».⁸¹

Выступающие на этом съезде делегаты ставили вопрос не только об освобождении депортированных офицеров армянской армии, но и о характере и принципах самой политики депортации в нашей стране. А в концентрационный лагерь города Рязани продолжали прибывать офицеры армянской армии не только из Армении, но и из Баку и Тифлиса. Так 25 апреля 1922 года начальник лагеря Карасев отправляет на имя Губчека письмо, в котором сказано: «При сим препровождаю список военнопленных Армянской армии, прибывших во вверенный мне лагерь с партией 180 человек из Грузии. Прошу Вашего распоряжении, как поступить с указанными лицами».⁸²

В этом концлагере наряду с прибытием офицеров начинается и отбытие заключенных в распоряжение различных организаций не только Закавказья, но и других регионов страны. Так 20 сентября 1922 года на имя представительства Армении в Москве начальник Рязанского лагеря писал: «На основании распоряжения ООВЧК за № 68787 и постановления Разгубчека от 13 сентября 1922 года при сим препровождается в Ваше распоряжении три человека заключенных подданных Армении Алахвердова Давида, Саакова Сергея и Меликяна Багдасара».⁸³ Такие документы в «Деле арестованных армянских офицеров» более десяти. Армянских офицеров отправляли на родину, в Красную Армию, в Чека Кавказского военного округа, в Москву, Баку, Тифлис и т. д.⁸⁴

А.Ф. Мясников и Г.К. Орджоникидзе продолжали отправлять телеграммы в центр. Все эти телеграмм доходили до Рязанского Губчека и руководства лагеря. Но местные власти не торопились реагировать на запросы ответственных партийных работников Закавказья и избавиться от хороших работников. Проходили ме-

сяцы, а иногда и годы, прежде чем лагерное начальство считало нужным реагировать на эти запросы. В ответ на телеграмму А.Ф. Мясникова начальник лагеря обещал ускорить фильтрацию армянских офицеров.⁸⁵ После долгого молчания, наконец, по приказу начальника лагеря за номером 119, § 14 1922 года 105 человек были отправлены в Армению.⁸⁶

А вот с телеграммами Г.К. Орджоникидзе происходили весьма странные истории. 6 июня 1922 года начальник лагеря Карасев отправил ответ на телеграмму Г.К. Орджоникидзе в которой в частности было сказано: «Согласно Вашей телеграмме за № 59486 при сим препровождаю 24 дела на арестованных офицеров, вместе с личностями, согласно определению Чека».⁸⁷ Буквально через день на имя Г.К. Орджоникидзе отправляется еще одна телеграмма: «При сим следуют из вверенного мне лагеря 30 человек военнопленных гражданской войны армянской армии подлежащих отправке в распоряжение товарища Орджоникидзе город Тифлис, согласно прилагаемой копии отношения Рязгубчека».⁸⁸ Проходит несколько дней и поступает новая телеграмма на имя начальника лагеря Карасева: «На основании телеграммы ВЧК за № 21526 от 8 июня 1922 года Рязгубчека предлагает Вам немедленно отправить всех бывших офицеров Грузии в Губчека для направления в город Тифлис в распоряжении тов. Орджоникидзе... Об исполнении с приложенным списком отправленных: грузинских офицеров донести. Зампред. Рязгубчека».⁸⁹

Проходят еще несколько дней. Второго июля 1922 года комендант лагеря Карасев получает еще одну телеграмму. «Телеграмма за № 10048 (вне всякой очереди). Секретный отдел Губчека предлагает Вам содержащиеся во второй категории военнопленных грузинских офицеров в распоряжение Орджоникидзе не отправлять... впредь до ссобого распоряжении. Зав. секретным отделом Панков».⁹⁰

12 июля 1922 года начальник лагеря Карасев отправляет очередную телеграмму за № 14249 на имя Рязгубчека, в которой сказано: «В исполнение Вашего запроса от 8 июля 1922 года № 9966 сообщаю для сведения, что мною 12 июля 1922 года при ответе моем за № 14228 отправлено в распоряжение тов. Орджоникидзе в город Тифлис грузинских офицеров в количестве 45 человек».⁹¹ В этот же день начальник лагеря отправляет телеграмму и на имя Рязгубчека на № 14277. В ней сказано: «При сим следует из вверенного мне лагеря 45 человек пленные гражданской войны Грузии подлежащих отправке в распоряжении тов. Орджоникидзе город Тифлис, согласно приложенного списка. Основание: обращение Рязгубчека от 8 июля 1922 года за № 9966. Комендант лагеря Карасев».⁹² Через два дня новая телеграмма Карасева в Рязгубчека. «Согласно предложению Рязгубчека подлежат немедленно отправке в Тифлис 48 бывших офицеров Грузии».⁹³

Много, очень много таких противоречивых, взаимоисключающих документов в деле арестованных офицеров. Создается впечатление о том, что все это делается специально с тем, чтобы эти военнопленные на каждом шагу находились в нервном, стрессовом состоянии, чувствовали себя униженными, оскорбленными, неполноценными гражданами нового государства. Если хотите унижить человека, гласит старая мудрость, создавайте для него неопределенные условия. Система ГУЛАГа последовательно руководствовалась подобной логикой.

Несмотря на столь мелкие, бездарные, бюрократические пакости и отписки, дело было сделано. К сентябрю 1922 года все арестованные офицеры грузинской армии вернулись домой, в Грузию. В лагере осталась маленькая группа грузинских офицеров (20 человек). Из-за них Филипп Махарадзе поднял вопрос на XII съезде РКП(б). В общей сложности грузинские офицеры находились в концентрационном лагере города Рязани немного более года

и шести месяцев. Следует отметить так же, что изи 93 офицеров Грузинской армии 18 человек были русские по национальности и 36 человек армян. Они были офицерами старой русской армии, но как жители города Тифлиса, служили в национальной армии Грузии.

Что же касается арестованных офицеров Армянской армии, то телеграммы и письма А.Ф. Мясникова (Мясникян), Л.Г. Каракхана и других авторитетных представителей большевиков, а также общественных организаций не могли им помочь. К сентябрю 1922 года лишь незначительное количество этих людей оказались на свободе. Большинство армянских офицеров все еще находились в лагере, где жизнь заключенных протекала по своим внутренним законам. Проходили дни, недели, месяцы. Но картина будущего оставалась для этих лиц неопределенной, туманной, загадочной...

Многолетние поиски, обобщения и систематизация имеющихся в Государственном архиве Рязанской области документов показывают, что заключения офицеров Армянской армии в концлагере было вероломным, предательским актом: их арестовали не в качестве преступников, предателей, заговорщиков, врагов Советской власти, а только как заложников, как военнопленных. В концентрационном лагере Рязани никто с ними не работал как с подследственными. Их не допрашивали, даже не пытались заниматься с их политическими и мировоззренческими взглядами. Единственным исключением был штабс-капитан Геворг Фаращян, который и в лагере не переставал рассказывать о гуманном поступке русского царя в деле спасения армянского населения в 1916 году. Документы архива характеризуют Геворга Фаращяна как явного монархиста. Как сказано в доносе агента-сексота, «Фаращян считал себя не временно задержанным, а военнопленным... Убийство царя он считал преступлением...»⁹⁴ Кличка «Монархист»

сохранилась за Фарашианом, пока он находился в лагере. Но вот что интересно, в лагере арестованные офицеры Армянской армии были разделены на роты. Командиром второй роты был назначен как раз Фарашиан. Более того, он был единственным из командиров подразделений, которому доверили оружие. В лагере он постоянно ходил с оружием системы «Наган». Вместе с другими армянскими офицерами, Фарашиан был освобожден из концлагеря города Рязани, но в 1937 году он вновь оказался в застенках сталинского ГУЛАГа в качестве дашнака, хотя этот честный офицер русской армии никогда не являлся членом какой-либо партии.

В концлагере Фарашиана допрашивали несколько раз. Возили его в Губчека. Но по отношению к остальным офицерам Армянской армии в лагере существовал, так сказать, полный нейтралитет, невмешательство в их внутренние дела. А ведь фильтрация на обычном языке означает процеживание, пропускание через фильтр, т. е. через концлагерь, с целью очистки отделения от грязи и т. д. Если это на самом деле так, то почему в концлагере никто не занимался фильтрацией армянских офицеров?

Так с какой целью и на каком основании в самые трудные дни существования Советской Армении ее лишили боеспособного офицерского корпуса, мозгового центра армии, организатора обороны страны. Какие силы стояли за этой предательской политикой? Кто нанес вероломный удар по интересам армянского народа? Что бы ни писали, ни говорили но существует объективная связь между захватом офицеров армянской армии и процессом переговоров между руководителем Советской России и кемалистской Турции относительно внешних и внутренних границ Армении. Без офицерского корпуса не трудно было Армению поставить на колени и передать ее исконные земли соседним, но враждебным ей странам.

Послесловие

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Чем были мы?
Если без обиняков:
Странником – у родных берегов,
Гостями – у собственных очагов,
Рекой – лишь один имеющей берег,
Горой – что виднеется вдали,
Долиной – в скорби, крови, потерях,
Землей – без народа,
Народом – без земли.
Зернами ожерелья сорванного,
Рассыпанными – не собранными...

Геворг Эмин

Около тридцати лет я ожидал встречи с «Делом заключенных офицеров Армянской армии» и около десяти лет работал с ним. В Государственном Архиве Рязанской области (ГАРО) сначала нашлись четыре папки этого дела, потом еще две, а затем, при помощи моих молодых, инициативных, друзей из общества «Мемориал» А. Блинущова, С. Романова и Ю. Середы в лагерных документах других лиц нашлась интересная информация о наших соотечественниках. Содержание первых документов было обобщено, систематизировано, превращено в статью под названием: «Еще об одной белой странице черного предательства». Кроме рязанской прессы, в том числе и местного журнала «Карта» (№ 4, 1994 г.), она была опубликована на русском и на армянском языках в нескольких газетах Армении, а также на страницах журнала «Литературная Армения» (№ 4-9, 1994 г.). Весной 1995 года на территории Президиума Академии наук Советского Союза проходила международная конференция, посвященная 80-летию геноцида

армянского народа. На этой конференции я сделал доклад о судьбе репрессированных Советской властью офицеров Армянской армии. После конференции ко мне подошел представитель посольства США и предложил передать ему текст моего доклада для библиотеки Конгресса США. От такого лестного предложения трудно было отказаться. Я передал ему сброшюрованный оттиск моей статьи, которую должны были опубликовать на страницах журнала «Литературная Армения». Позднее мне стало известно, что моя работа опубликована в США, Германии и Испании.

В 1995 году при помощи моего спонсора Е.Е. Пискуна я отскерокопировал документы четырех папок и через своих знакомых отправил их на имя руководителей Государственного Архива Республики Армении. Однако документы не дошли до места назначения. То ли они были утеряны, то ли мои друзья до сих пор изучают их. В сентябре 1999 года, находясь на конгрессе Всемирной Армянской диаспоры в Ереване, я считал нужным встретиться с руководителями Архива нашей Республики и передать им новую копию «Дела заключенных офицеров Армянской армии», а также и копию приказа Наркома по военным делам Российской Республики Л. Троцкого от 6 июня 1918 года на имя известного революционера Г.К. Петрова с предложением «взять с собой штаб и Армянский батальон и немедленно отправиться по месту назначения», т. е. в Баку на помощь Бакинской Коммуне.⁹⁵

Словом, копия «Дела заключенных офицеров Армянской армии» теперь находится дома, на Родине. Как по содержанию, так и по историческому значению этот материал является очень важным и поучительным. Именно поэтому я надеюсь, что он найдет свое достойное место в музее вооруженных сил Республики Армении, ибо наши герои были первыми защитниками возрождающейся Родины. Именно они не только приостановили наступление турецких войск на Ереван, но и разгромили отборные части вра-

жеской армии на полях сражений. О значении этой победы для исторических судеб Армении и армянского народа очень хорошо сказано моим дорогим односельчанином, непосредственным участником этих битв, дважды Героем Советского Союза, Маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем Баграмяном: «Каковы же общие итоги ожесточенного сражения между турецкими захватчиками и армянскими воинами-патриотами в мае 1918 года? Прежде всего, необходимо сказать, что их кульминацией явилось Сардарapatское сражение, приобретшее в благодарной памяти современников и потомков поистине эпическое звучание. Нельзя не воздать должное исключительному героизму и благодарному самопожертвованию воинов-армян. Именно благодаря этим прекрасным качествам, им удалось отстоять ту территорию Восточной Армении, которая за тысячелетнюю историю развития армянской государственности превратилась в средоточие и символ нашей древней цивилизации, где сконцентрировались общенародные ценности материальной и духовной культуры. Спасение Араратской долины от оккупации и сохранение территорий, лежавших к востоку от нее, создало необходимые условия для воссоздания армянской государственности, национального возрождения древнего народа».⁹⁶

Думается, что «Дело заключенных офицеров Армянской армии» станет источником вдохновения, инициативы для историков, писателей, публицистов, которые опираясь на этот трагический, но патриотический материал, напишут диссертации и очерки, романы и поэмы, а также киносценарии. Наши мужественные соотечественники заслуживают этого.

Считаю нужным остановиться еще на двух моментах моей работы. Первое – это отход от документов, как бы вольная трактовка бесед генералов со своими офицерами. Читатели могут спросить, откуда мне стало известно содержание таких бесед? Конеч-

но, в лагерных документах это не зафиксировано. Но они имеются в других документах. Начиная с 1953 года, я не только интересовался этой проблемой в Рязани, но и встречался с живыми участниками этой трагедии, знакомился с различными статьями, очерками, а также с теми документами, которые имеются в государственном Архиве Республики Армения. В этом деле мне особенно помог мой друг, писатель Б. Улубабян, у которого есть целая книга о Сардарпатском сражении, а также хороший материал для киноповести. Так что мои так называемые вольности вовсе не снижают уровня драмы заключенных. Опираясь на все эти документы, еще раз хочу отметить, что абсолютное большинство офицеров принадлежали к кадровому составу русской армии. Отсюда и специфика их патриотизма. Они были реально мыслящими людьми. Ни один из них не представлял свободу Армении без союза с Россией.

Другой момент, о котором следует сказать, — это характеристика деятельности Н. Нариманова и М.А. Багирова. Должен отметить, что не только в настоящей работе, но и во всех моих исследованиях, в которых идет речь о советизации Закавказья и организации Советского Союза, я стремился показать опасность державного наступательного шовинизма не только в масштабах страны в целом, но и в жизни каждой многонациональной союзной республики. Исторические документы показывают, что по всем проблемам советского строительства в Закавказских республиках Н. Нариманов вел антиармянскую политику. Навязывая свою волю руководителям Советского Союза, Нариманов стремился принудить Армению подписать такой договор, по которому исконные армянские территории оказались бы в составе Турции и Азербайджана. Нариманову нужен был свободный проход в Анатолию, т. е. в Турцию. Во имя этой политики он ущемлял элементарные права армянского народа. В одном из своих писем Ленину, он так харак-

теризовал положение в Армении: «Во всей стране господствует насилие и произвол офицерства, вся страна представляет из себя как бы вооруженный лагерь, главная масса офицеров – выходцы с Северного Кавказа, которые переехали в Армению после ликвидации деникинщины на Северном Кавказе».⁹⁷ Это конкретный образец доношительства и политической провокации, ибо абсолютное большинство армянских офицеров служило не у Деникина, а на Кавказском фронте, затем участвовали в Сардарapatском сражении и в обороне Бакинской коммуны. Подлейший аргумент Нариманова стал дурным примером для политического руководства современного Азербайджана. Вот что сказано на страницах «Независимой газеты» от 18 января 2000 года в статье Фархада Агамалиева «За что расстреляли Баку?» «На самом деле в ночь на 20 января 1990 года «ударные части» Советской Армии, разбавленные резервистами-армянами из Ставрополя и Краснодарского края, брали Баку как враждебную крепость». Двойная ложь содержится в этой сентенции автора: во-первых, автор забывает о том, что, начиная с 13 января, в этом так называемом интернациональном городе фашиствующие подонки под руководством своих вождей, по примеру своих сумгаитских братьев уничтожали армян. Восемь дней продолжался геноцид 200-тысячного армянского населения этого города. Азербайджанский публицист этого не замечает, об этом он молчит. Во-вторых, неужели автору этих строк не был известен элементарный факт о том, что войска, направленные не только в Баку, но и в любой район Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана, предварительно оставляли в своих казармах армян, грузин и азербайджанцев?! Их не брали собой в поход. Так что болтовня об армянских резервистах из Северного Кавказа – это очередная попытка возрождения наримановской клеветы и провокации против армянского народа в новых условиях.

Настоящей книгой я завершаю свою работу над «Делом заключенных офицеров Армянской армии». Возможно, что в ГАРО имеются и другие документы о наших земляках. Они и должны быть. В частности, должны же быть документы с приказами начальника лагеря об отправке офицеров домой, в Армению. Я долго искал их, но так и не нашел. Поэтому в моей работе этот вопрос остается неуточненным. И, тем не менее, свою работу над этим материалом считаю завершённой. Главное сделано: раскрыта еще одна трагическая страница истории армянского народа. В частности, выявлены место и роль репрессированного офицерского корпуса в сохранении чести, достоинства и независимости нашей Родины. Офицеры победили врага на полях Сардарapatской битвы. «Мне хочется, – пишет И.Х. Баграмян, – чтобы читатель с возможно большей глубиной оценил всю меру важности сохранения в то грозное для Армении время ее исторически сложившейся колыбели – священной для каждого армянина Араратской долины с ее многочисленным населением, древними городами, центрами и очагами многовековой культуры армянского народа».⁹⁸ Эту задачу выполнил весь армянский народ. Но в гуще сражения вместе со своими солдатами были офицеры Армянской армии. От них избавились с тем, чтобы навязать Армении протурецкий договор, лишить наш народ исконных армянских земель.

На этом я расстаюсь со своими офицерами. Я был участником Великой Отечественной войны, на протяжении многих лет работал над проблемой исторического Арцаха. Но именно подвиг героев Сардарапата как бы новым светом озарил все виденное, раскрыл мне силу и широту души нашего человека, заставил с особой остротой пережить счастье и гордость сознания принадлежности к армянскому народу, способному творить даже невозможное. Такими были замечательные сыновья нашего народа. Такими они останутся в нашей памяти на вечные времена.

Список источников литературы.

Примечания

1. Об одном из фактов этой антиармянской провокации в России рассказывает сам А.Ф. Керенский. «Одним из крупнейших для меня процессов, – пишет А.Ф. Керенский, – стал процесс по делу армянской партии Дашнакцутюн в 1912 году. Оно стало эпилогом в прискорбной деятельности князя Голицина (наместника на Кавказе) в начале столетия, в результате которой даже такие верные друзья России, как армяне, превратились в грозную революционную силу. Перед судом предстала вся армянская интеллигенция, включая писателей, врачей, юристов, банкиров и даже купцов (которые: как утверждалось, представляли революционерам денежные средства). Расследование длилось несколько лет. Аресты шли по всей России и в конце концов в Санкт-Петербурге был учрежден специальный сенатский суд. Некоторых обвиняемых содержали в тюрьме почти четыре года, прежде чем начались судебные заседания. Слушания открылись в январе 1912 года и продолжались до середины марта. Были опрошены шестьсот свидетелей, опасаясь беспорядков, полиция приняла особые меры предосторожности. Суд шел при закрытых дверях, в зал заседаний не допускали даже родственников обвиняемых. Атмосферу накаляли всякого рода запреты.

В начале процесса один из подсудимых заявил о своей невиновности. Председательствующий на процессе сенатор, Кривцов, вынес постановление о том, чтобы было оглашено заключение следствия, которое носило чисто обвинительный характер. Я вмешался и попросил судью назначить эксперта для изучения свидетельских показаний, которые, по моему глубокому убеждению, являлись лжесвидетельством. Озадаченный моей просьбой, Кривцов спросил: «Отдаете ли вы себе отчет в том, о чем просите, и что ожидает вас в случае ошибки?» «Да, отдаю» – ответил я без колебаний. Была назначена экспертиза, и большую часть свидетельств признали фальшивыми. Защите удалось также доказать ложность показаний и по другим пунктам обвинения. Дошло до того, что стоили мне подняться, чтобы заявить

по тому или иному поводу протест, как судья удовлетворительно махал рукой и бормотал: «Принято». Из 145 обвиняемых 95 были оправданы, 47 получили тюремные заключения или ссылку в Сибирь и только троих приговорили к каторжным работам. Исход процесса поднял престиж России за рубежом, особенно среди армян Турции (А. Керенский. Россия на историческом повороте. Москва. 1993 год. С. 56-57).

2. Журнал «Литературная Армения», № 1, 1990. С. 70.

3. Там же. С. 70.

4. ЦГАОР Армении, ф. 113, оп. 3, д. 7, л. 125-127.

5. См. газету «Айастани Анрапетутюн» от 22 февраля 1992 г.

6. О трагических последствиях «Декрета о Турецкой Армении» и ликвидации Кавказского фронта существует много литературы на русском и армянском языках. Об этом сказано также в моей работе «Армянский батальон в Рязани». Рязань. 2002.

7. Это не только газетная утка. В 1919 году наркомом Л. Троцким был подготовлен документ для ЦК РКП(б), в котором было сказано: «Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое развитие азиатских отношений, колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах еще не может иметь крупного значения... Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». Далее Л. Троцкий с восторгом продолжает, что «один серьезный военный предложил план создания конного корпуса (30-40 тысяч всадников) с расчетом бросить его на Индию» (См. Сироткин В. Кто же они троцкисты? / Учительская газета. 1989. 17 октября, а также см. Архивы раскрывают тайны. М.: изд-во Политической литературы, 1991. С. 193).

8. Об антиармянской политике Н. Нариманова сказано в моих работах «Горбачев и трагедия Нагорного Карабаха» (Рязань, 2000. С. 177-186 и др.), «Армянский батальон в Рязани» (Рязань, 2002, часть третья).

9. Журнал «Литературная Армения», № 1, 1990. С. 71.

10. Государственный архив Рязанской области (ГАРО), ф. 2817,

оп. 1, д. 198, л. 5-6.

11. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 198, л. 7.
12. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 198, л. 1.
13. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 198, л. 2.
14. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 198, л. 18.
15. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 198, л. 13-18.
16. См. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 198, л. 46.
17. ЦГАОР Армении, ф. 113, оп. 3, д. 7, л. 125-127.
18. См. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 207, л. 1, 2, 3, 4, 5, 6. (Между 7853-6567), там же, д. 207. л. 6 (67), дело 207, л. 9-10.
19. См. ГАРО 2817, оп. 1, д. 195 л. 1.
20. См. ГАРО 2817, оп. 1, д. 195 л. 1, 2, 3.
21. Там же. л. 4.
22. Там же. л. 5.
23. Там же. л. 8.
24. Там же. л. 9.
25. Там же. л. 11.
26. Там же. л. 14.
27. См. журнал «Литературная Армения», № 1, 1990. С. 70.
28. Список офицеров в приложении.
29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 42, с. 123.
30. См. ГАРО 2817, оп. 1, д. 194 л. 3-4.
31. См. там же.
32. См. газета «Правда» от 25 ноября 1995 г.
33. См. ГАРО 2817, оп. 1, д. 194-195, л. 5, 6, 7, 8 и др.
34. См. там же. л. 1-2.
35. См. там же. л. 22.
36. См. там же. л. 33.
37. См. там же. л. 19.
38. См. там же. л. 6.
39. См. там же. л. 71-72.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 50. С. 143-144.
41. Солженицын А.И. соч. т. 6. С. 12.
42. В Рязани существовали несколько концлагерей. Они были созданы в конце 1914 года. В этих лагерях находились пленные немцы, австрийцы, солдаты турецкой армии. После 1917 года в этих лагерях

были размещены военнопленные из других стран, в частности поляки. В поселке Мервино находился лагерь для дезертиров из Красной Армии. В этот лагерь приезжал Л.Д. Троцкий (точная дата не установлена). После его пятнадцатичасовой речи, добрая половина дезертиров записались добровольцами в Красную Армию.

43. ЦГАОР Армении. Ф. 113, оп. 1, д. 7, л. 126.

44. Наряду с классическими и русскими народными мелодиями, оркестр исполнял и армянские мелодии и военные марши, в том числе «Марш зейтунцев», который уже был знаком рязанцам со времени армянского батальона. В 1916-1918 гг. в Рязани существовал Армянский батальон, который под руководством Г.К. Петрова занимался охраной общественного порядка города, затем в июле 1918 года по приказу Троцкого он был отправлен на помощь Бакинской коммуне. (Об этом более подробно сказано в другой моей работе. См. Мартиросян Г.А. Армянский батальон в Рязани. (1916-1918 гг., Рязань, 2002),

45. ГАРО 2817, оп. 1, д. 157, л. 114.

46. Фамилия доносчика-сексота имеется в деле. До армии он работал надзирателем в ереванской тюрьме. Но стоит ли называть фамилию этого никчемного человека?

47. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 76.

48. ЦГАОР Армении. Ф. 113, оп. 1, д. 7, л. 127.

49. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 128.

50. В дальнейшем по приказу начальника лагеря Карасева частные заказы были запрещены (См. ГАРО, ф. 2817, оп. 1, д. 152, л. 11, 14). Правда этот запрет был временным актом. В дальнейшем, сам же Карасев поощрял такие заказы, в особенности для нэпмановских ресторанов и кафе. В середине 50-х годов директор ресторана «Заря» Гарри Максимович Оганов рассказывал, что находящиеся в двух залах обеденные столы были изготовлены в начале двадцатых годов заключенными офицерами армянской армии.

51. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 120.

52. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 93.

53. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 74.

54. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 97.

55. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 88.

56. ГАРО 2817, оп. 1, д. 151, л. 84.

57. Шаумян С.Г. Избранные произведения. т. 2. С. 227.
58. См. Ибрагимов С.Д. Генерал Али Ага Шихлинский. Баку. 1975. С. 80.
59. ЦГАСА. Ф. 195, оп. 3, д. 209. л. 34.
60. ПААФ Имл. ф. 1022, оп. 5, д. 53, лл. 2-11.
61. См. Шаумян С.Г. Избранные произведения. т. 2. С. 220.
62. ЦГИА Армении. Ф. 278, оп. 1, д. 35, лл. 5-6.
63. ЦГИА Армении. Ф. 200, оп. 1, д. 4, л. 17.
64. См. К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Баку, 1989. С. 31-32.
65. Там же.

66. Прошли годы, десятилетия, мир изменился, в том числе и Советский Союз. Сменилось руководство Азербайджана, вслед за Наримановым к власти пришли Багиров, Мустафаев, Ахундов, Алиев, Безиров и другие, наступила эпоха горбачевской, так называемой, перестройки. Антиармянская политика в Азербайджане привела к геноциду армян в Сумгаите, Гяндже, Баку и в других населенных пунктах этой республики. Наконец, хотя с опозданием, но все-таки Горбачев опомнился и 20 января 1990 года ввел войска в Баку. Протестуя против этой горбачевской акции азербайджанские политики вновь обратились к наримановской клевете об армянских воинах с Северного Кавказа. В опубликованной на страницах «Независимой газеты» статье от 18 января 2000 года под названием «За что расстреляли Баку», ее автор Фархад Агамалиев пишет: «Ударные части Советской Армии, разбавленные резервистами-армянами из Ставрополя и Краснодарского края, брали Баку как вражескую крепость». Интересно было бы знать, на каких простаков рассчитана эта сентенция автора? Во-первых, никто на расстрелял Баку. Автор преднамеренно умалчивает о том, что до 20 января, в течение восьми дней, по методу гитлеровских головорезов фашиствующие подонки города, под руководством своих демократических вождей уничтожали 200-тысячное армянское население Баку. Горбачев должен был ввести войска еще до 13 января. Однако нерешительность и трусость его еще раз брали верх над здравым смыслом. Как и в Сумгаите и Гяндже Горбачев и на этот раз стал действовать после актов геноцида армян. Во-вторых, общеиз-

известно, что прежде чем отправить войска в любой район Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, по приказу командования из этих частей временно исключали не только армян, но и грузин и азербайджанцев. В частях Советской Армии, которые вошли в Баку не было никаких армян вообще. Так что возрождение наримановской фальшивки оказывается бесплодным занятием, очередной мелкой провокацией не первой свежести.

67. ЦГАСА. Ф. 195, оп. 3, д. 908, лл. 303-306.

68. ЦГАСА. Ф. 195, оп. 3, д. 271, л. 1.

69. ЦГИА Армении. Ф. 200, оп. 1, д. 4, л. 24.

70. См. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 73.

71. См. Борзиков Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 317.

72. См. там же.

73. Мясникян А.Ф. Избранные произведения. Ереван. 1965. С. 360.

74. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. Москва, 1968. С. 517.

75. Там же. С. 694.

76. Там же. С. 599.

77. Там же. С. 654.

78. Там же. С. 487.

79. Там же. С. 618-619.

80. Там же. С. 823-824.

81. Там же. С. 660.

82. ГАРО. Ф. 2817, оп. 1, д. 156, л. 128.

83. Там же. л. 271.

84. Там же. л. 32, 33, 34, 103, 104, 131, 229, 271 и т. д.

85. Там же. л. 278.

86. Там же. л. 103-104.

87. ГАРО. Ф. 2817, оп. 1, д. 156, л. 103-104.

88. Там же. л. 173.

89. Там же. л. 216.

90. Там же. л. 218.

91. Там же. л. 214.

92. ГАРО. Ф. 2817, оп. 1, д. 156, л. 221.

93. ГАРО. Ф. 2817, оп. 1, д. 156, л. 225.

94. ГАРО. Ф. 2817, оп. 1, д. 198, л. 4.

95. О содержании приказа Л. Троцкого, судьбе Г.К. Петрова и Армянского батальона более подробно сказано в моей работе под названием «Армянский батальон в Рязани (1916-1918 гг.)». (Рязань издательство «АРАКС» 2002). ГАРО. Ф. 2817, оп. 1, д. 156, л. 69.

96. Баграмян. И.Х. Мои Воспоминания. Ереван, 1979. С. 93-94.

97. К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Баку, 1989. С. 29-30.

98. См. Независимая газета от 18 января 2000.

Баграмян. И.Х. Мои Воспоминания. Ереван, 1979. С. 91.

Дело заключенных офицеров Армянской армии
(Государственный архив Рязанской области.
Ф-2817, оп. 1)

ДЕЛО № 207 с. 1, 2, 3, 4, 5, 6 (между 7853-6567)
ОСОБОГО ОТДЕЛА ПРИ РЕВВОЕНСОВЕТЕ XI АРМИИ
по обв. армянских офицеров в количестве 248 человек 6. II. 1921.
4. II. 21 г. из Эривани в Баку прибыли 265 человек.

Уп. ЧЕКА АРМЕНИИ
ХАЧАТУРЯН

ИМЕННОЙ СПИСОК
арестованных Деникинцев

Ф №№ По по- рядку	ФАМИЛИЯ. ИМЯ И ОТЧЕСТВО	ЧИН	ГДЕ СОДЕРЖИТСЯ
	1	2	3
1.	Бей-Мамиконян Александр Павлович	генерал-майор	Центр. тюрьма
2.	Михайлов Александр Петрович	поручик	» »
3.	Галжасв Александр Иванович	генер. майор	» »
4.	Муратов Дмитрий Филиппович	прапорщик	» »
5.	Иванов Владимир Степанович	полковник	» »
6.	Якупоня Николай Юмавович	штабс-капитан	» »
7.	Нолькен Борис Бернгандович	поручик	» »
8.	Андриевский Дмитрий Иванович	ген.-майор	» »
9.	Ильенко Владимир Александрович	полковник	» »

10. Шишов Николай Алексеевич	»	»	»	»
11. Асмоянц Теодор Иванович	поручик	»	»	»
12. Мелик-Агамалов Матвей Спиридонович	полковник	»	»	»
13. Кусиков Александр Петрович	поручик	»	»	»
14. Караогланов Александр Михайлович	подпоручик	»	»	»
15. Диланян Анушаван Степанович	поручик	»	»	»
16. Фанарджян Георгий Артемьевич	прапорщик	»	»	»
17. Персов Иван Павлович	прапорщик	»	»	»
18. Касабабян Хачатур Семенович	подпоручик	»	»	»
19. Герасименко Федор Евстафиевич	капитан	»	»	»
20. Блайдиев Теймур Булатович	капитан	»	»	»
21. Твордек Иван Францевич	прапорщик	»	»	»
22. Хосровян Георгий Сергеевич	подполковник	»	»	»
23. Сагателян Ваган	подпоручик	»	»	»
24. Ульянов Леонид Николаевич	поручик	»	»	»
25. Агасарян Мкртыч Александрович	»	»	»	»
26. Макинскин Алихан	подпоручик	»	»	»
27. Мелик-Парсаданов Николай Александрович	подполковник	»	»	»
28. Аветисян Карл Аветович	прапорщик	»	»	»
29. Вержбицкий Михаил Повийанович	подпоручик	Комендантская	Чека	»
30. Егиазаров Баграт Никитович	подпоручик	Центральная	тюрьма	»
31. Маилов Арам Джангирович	подпоручик	»	»	»

32. Саградьян Николай Сая- дович	прапорщик	»	»
33. Сулханов Александр	прапорщик	»	»
34. Бабаджанов Арташес Ива- нович	полковник	»	»
35. Сагателов Гукас Тарасо- вич	чин. воен. вр.	»	»
36. Басаджанов Александр Иванович	полковник	»	»
37. Сулаян Арташес Захаро- вич	чин. воен. вр.	»	»
38. Тер-Акопов Согомон Мар- тиросович	подпоручик	»	»
39. Гюль-Азизов Самсон Хрис- тофорович	подполковник	»	»
40. Шергилов Сергей Алексан- дрович	подполковник	»	»
41. Тернерсесов Арушан Гри- горьевич	подполковник	»	»
42. Погосья Семен Аванесович	прапорщик	»	»
43. Вартамян Левоу Арсено- вич	воен. вр.	»	»
44. Торосов Рубен Авакович	поручик	»	»
45. Берберьян Тигран Исаевич	поручик	Комендантская Чека	
46. Манасян Хачатур Сергее- вич	подпоручик	»	»
47. Гафинян Петр Яковлевич	прапорщик	»	»
48. Нариманов Евгений Дави- дович	поручик	»	»
49. Григорян Сергей Алексан- дрович	прапорщик	»	»
50. Гасанджалалов Мкртыч Арутюнович	поручик	»	»
51. Мурузов Мкртыч Аванесо- вич	подпоручик	»	»
52. Бабаев Михаил Семенович	»	»	»
53. Тер-Мартвросян Арменак	поручик	»	»

54. Погосов Абгар Данилович	чин. воев. вр.	»	»
55. Кондратьев Василий Константинович	подполковник	»	»
56. Внакян Николай Константинович	хоружий	»	»
57. Хачатуров Александр Минасович	поручик	»	»
58. Векилов Герасим Давидович	надворн. советник	»	»
59. Осипов Авак Маркарович	прапорщик	»	»
60. Амбарданов Георгий Семенович	подполковник	»	»
61. Понунцев Семен Григорьевич	капитан	»	»
62. Какоянц Геворк Амбарцумович	подпоручик	Центральная тюрьма	
63. Назаров Георгий Тарасович	писарь	»	»
64. Тер-Осипян Иосиф Матвеевич	подпоручик	»	»
65. Поппель Михаил Тимофеевич	доктор	»	»
66. Пирумов Леон Аганесович	подпоручик	»	»
67. Багатуров Артемий Николаевич	поручик	»	»
68. Бабаян Григорий Хосровевич	»	»	»
69. Тер-Вартанов Овсеп Ефремович	прапорщик	»	»
70. Аганян Сергей Манукович	»	»	»
71. Ширакян Арам Маркарович	»	»	»
72. Арутюнян Погос Матвеевич	»	»	»
73. Оганесян Епрем Ерпанович Предчека Армении С. Мо... Зав. секретно-оперативным отделом		Зав. регистрационно-статистической частью В. Хечульян	

74. Гасбарян Маркар	поручик	»	»
75. Бабаев Иван	»	»	3-й полк
76. Георгий Погосян	»	»	»

Предчека Армении С. Мо...

26

19 — 21 год

1

Зачеркнутому верить: всего семьдесят три че-
ловека

ПРЕДЧЕКА АРМЕНИИ С. МОИ...

СЕКРЕТАРЬ БЕЛОВ / /

ДЕЛО № 207 стр. 67, с. 6
 НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА XI АРМИИ
 «При сем препровождается список дашнак-
 ских офицеров количеством 102 человека со-
 вместно с ними»

1. 01. 21 г. Док. № 938

Председатель Чека ССР Армении

подпись.

С. С. Р. А.
 ПОЛИТБЮРО ЭЧМИАДЗИНСКОГО
 УЕЗДА

СПИСОК

бывш. офицеров, которые зарегистриро-
 вались в здании Вагаршапатского гар-
 низонного клуба, согласно приказа
 Предчека Армении за . № 3.

24 января 1921 г.

Ф №№ По по- рядку	ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО	ЧИН	ГДЕ СОДЕРЖИТСЯ
1		2	3

1. Степан Степанян	подполковник	1-й пехотный полк
2. Григорий Демирчоглян	шт. каптан	» » »
3. Арменак Гулянц	» »	» » »
4. Сетрак Туманянц	» »	» » »
5. Исаак Сырмакешов	полковник	» » »
6. Георгий Григорян	шт. каптан	» » »
7. Габриель Айрапетян	подпоручик	» » »
8. Гарегин Каракелов	шт. капитан	» » »
9. Арменак Корганов	подпоручик	» » »
10. Татло Шах-Мурадов	капитан	» » »

11. Мартiros Кунджулян	подпоручик	»	»	»
12. Погос Ванециян	прапорщик	»	»	»
13. Огаиес Тер-Паносян	подпоручик	»	»	»
14. Оганес Бек-Назаров	прапорщик	»	»	»
15. Анушеван Агабабян	»	»	»	»
16. Арамаис Симонян	»	»	»	»
17. Аркадий Джарешиелян	поручик	»	»	»
18. Тигран Оганджанов	шт. капитан			
19. Амбарцум Мазманян	прапорщик			
20. Моисей Тер-Оганесов	штабс-капитан			
21. Карапет Дагабян	»	»	»	»
22. Леон Машукян	прапорщик			
23. Леон Мосесянц	поручик			
24. Егише Гулянц	»	»	»	»
25. Аветик Гаспарьян	шт. капитан	»	»	»
26. Нерсес Меликов	поручик	»	»	»
27. Иосиф Маркаров	подпоручик	»	»	»
28. Ааушеван Векилов	»	»	»	»
29. Григорян Маркарьянц	шт. капитан	»	»	»
30. Петр Супернак	подпоручик	»	»	»
31. Баграт Гукасов	прапорщик	»	»	»
32. Арташес Цыблов	шт. капитан	»	»	»
33. Рубен Джагитов	поручик	»	»	»
34. Арменак Брутян	»	»	»	»
35. Павел Палшанян	подпоручик	»	»	»
36. Арам Мелпк-Саркасянц	прапорщик	»	»	»
37. Сурен Барсегянц	поручик	»	»	»
38. Ваграм Хубларов	»	»	»	»
39. Герасим Чичан	подпор.	»	»	»
40. Александр Алтолов	»	»	»	»
41. Дмитрий Нестеровский	подподковвик	4-й стр. пех. полк 2-я бригада		
42. Аршавир Папунц	»	»	»	»
43. Георгий Дондуков	шт. капитан	»	»	»
44. Михаил Зурабов	капитан	»	»	»
45. Аршак Тер-Карапетян	подпоручик	»	»	»
46. Алексей Сгепанов-Кузь-	поручик	»	»	»

мин

47. Арменак Сааков	шт. капитан	»	»	»
48. Матевос Погосов	прапорщик	»	»	»
49. Зиновий Месропянц	»	»	»	»
50. Саркис Тер-Симонян	подпоручик	»	»	»
51. Карапет Аветисянц	поручик	»	»	»
52. Оганес Асагульянц	подпоручик	»	»	»
53. Рубен Боярчев	поручик	»	»	»
54. Гарегин Карапетяиц	»	»	»	»
55. Арам Айвазьян	»	»	»	»
56. Борис Виноградов	шт. капитан	»	»	»
57. Варган Далабаян	прапорщик	»	»	»
58. Арутюн Пинаджанц	порутчиак	»	»	»
59. Нерсес Тер-Есаянц	прапорщик	»	»	»
60. Яков Симонгулян	»	»	»	»
61. Павел Иоанов-Баркарахан	шт. капитан	»	»	»
62. Витольд Пилецкий	подпоручик	»	»	»
63. Владимир Мелик-Еганов	»	»	»	»
64. Арам Саакянц	поручик	»	»	»
65. Петрос Тер-Петросянц	»	»	»	»
66. Айрапет Варданян	шт. капитан	»	»	»
67. Хорен Ишдханов	подполковник	2-й отд. Арт. дивиз.		
68. Леон Ишханов	подпоручик	»	»	»
69. Иван Алхазов	»	»	»	»
70. Давид Индоянц	»	»	»	»
71. Грачия Арабаджянц	»	»	»	»
72. Анатолий Янышев	»	»	»	»
73. Грачия Лисициян	»	»	»	»
74. Сергей Шавердов	поручик	Штаб 2-й отд. стр. бригады		
75. Георгий Маилянц	подпоручик	»	»	»
76. Петрос Петросянц	шт. капитан	»	»	»
77. Григорий Хуцаев	подпоручик	»	»	»
78. Тигран Геворков	прапорщик	»	»	»
79. Иван Юзбашев	подпоручик	»	»	»
80. Карапет Бухарцев	прапорщик	»	»	»
81. Акоп Восканьян	подпоручик	Ком. этапа г. Аштарак		

82. Тигран Тер-Саакянц	»	»	Смотр. продмаг. Вагарш.
83. Гарник Казарьян	прапорщик		3-й пех. полк
84. Антон Тольх	»	»	Электр. ст. Эчмиада.
85. Карапет Саркисянц	подпоручик		Мл. инсп. раб. кр. инсп. Вагар.
86. Арташес Мушегян	поручик		Инвалид
87. Яков Чаталбашян	»	»	Отд. собеса и труд. Вагарш.
88. Вартан Гарибов	подполковник		пом. военрука Эчм. уезда
89. Рубен Джагарбекянц	шт. капитан		Начмоборд. Эчм. уезда
90. Баграт Апресов	полковник		Военрук Эчмиад. уезда
91. Ашот Тотольянц	поручик		Зав. кв. ч. воен. рата Э.
92. Левон Абовян	»	»	Нач. Ваг. арт. с да
93. Минас Алтунянц	подпоручик		Инстр. отд. нар бат.
94. Арутюн Голтухчиянц	подпоручик		Начканц. Эчм. Уездвоен. комрад
95. Мкртыч Тер-Антонянц	прапорщик		След. Политбюро г. Вагар
96. Арутюн Дабагян	поручик		Казнач. Эчмиадз.
97. Арсен Тер-Саркисянц	подпоручик		
98. Оганес Шатворьянц			уезда вонкомрата
99. Степан Джугурьянц			
100. Захарий Унанян			
101. Айказ Тер-Вартаньян			
102. Геворк Архипян			

Предчека С. Мо..
Секретарь Б. Сао.../ /

ДЕЛО № 207
С. 9-10
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ XI АРМИИ
секретно

«При сем препровождается список арестованных офицеров Дашнакской армия в количестве 73 человек.

Председатель Чека Армении
Секретарь /подпись/

с. 9
ССР Армении
Чека
Особый отдел XI армии
Дело № 962
от января 21 г.

Список

Бывших офицеров подлежащих отправке в Россию

№ по порядку	ЧИН		ПРИМЕЧАНИЕ
1		2	3
1.	Шт. капитан Тер-Иганесян Сергей		2-й полк
2.	Капитан Тер-Карапетыян Абрам		» »
3.	Поручик Матниян Тигран		» »
4.	Прапорщик Тасальян Рафаель		» »
5.	Подпоручик Симонян Аршавир		» »
6.	Поручик Дарбинян Саркис		» »
7.	Шт. Капитан Немков Илья		» »
8.	Подпоручик Тер-Атанесян Гайк		» »
9.	Поручик Мамасян Степан		» »
10.	Шт. Капитан Чубарян Хачатур		» »
11.	» » Акопян Лазарь		» »
12.	Подпоручик Абалян Шаген		» »

13. » »	Степанян Оваким	»	»
14. Капитан	Мирзоян Амаяк	»	»
15. Прапорщик	Тамразян Рамзес	»	»
16. Подпоручик	Тарасян Карапет	»	»
17. Прапорщик	Торосян Ерванд	»	»
18. Шт. Капитан	Хачикян Гарегин	»	»
19. Прапорщик	Данилян Аветис	»	»
20. » »	Караханов Павел	»	»
21. Подпоручик	Серебрякян Тигран	»	»
22. Прапорщик	Грипуров Артемий	»	»
23. Шт. Капитан	Надирян Хорен	»	»
24. Прапорщик	Мнацаканян Сумбат	»	»
25. Поручик	Казарян Сурен	»	»
26. » »	Джагацпанян Миран	»	»
27. » »	Лазарев Александр	»	»
28. Прапорщик	Маркосян Карапет	»	»
29. » »	Григорян Мартирос	»	»
30. » »	Григорян Левон	»	»
31. Поручик	Тер-Абрамянц Гарегин	»	»
32. Шт. Капитан	Газарян Артавазд	»	»
33. Прапорщик	Хачанян Мамикон	»	»
34. Подполковник	Затикян Акоп	»	»
35. Поручик	Мдиванян Тиган	»	»
36. Прапорщик	Мкртичян Гевонд	»	»
37. Подпоручик	Мелик-Мартиросян	»	»
	Оганес		
38. Прапорщик	Шагинян Арсен	»	»
39. Поручик	Предтеченский Борис	3-го полка	
40. » »	Мусаелян Мамикон	»	»
41. Шт. Капитан	Арутюнянц Никогос	»	»
42. Поручик	Тер-Саркисян Мамикон	»	»
43. Капитан	Бахчиев Георгий	»	»
44. Капитан	Магаков Баграт	»	»
45. Подпоручик	Качва Анатолий	»	»
46. Прапорщик	Агабеков Амаяк	»	»
47. Подпоручик	Авакян Васак	»	»
48. Поручик	Амирагов Георгий	»	»
49. Прапорщик	Равоев Иван	»	»

50. Шт. капитан	Ишханов Михаил	»	»
51. Подпоручик	Мушулов Исаак	»	»
52. Прапорщик	Тарасян Мкртыч	3-го полка	
53. »	Гаспарян Акоп	»	»
54. »	Сейрикян Михаил	»	»
55. Шт. капитан	Аракелян Вартан	»	»
56. Прапорщик	Моисеев Георгий	»	»
57. »	Мартirosян Карапет	»	»
58. Капитан	Ованесов Степан	Особ. Отд.	
59. »	Туманян Баграт	Погран. страж	
60. Подпоручик	Меликян Онан	»	»
61. Шт. капитан	Матюшин Михаил	»	»
62. Подпоручик	Абиян Карапет	»	»
63. Шт. Капитан	Сефарян Левон	1-я легбатарейя	
64. Подпоручик	Манукян Карапет		
65. »	Караторов Яков	»	»
66. Шт. капитан	Иноченко Дмитрий	»	»
67. Поручик	Никитин Адриан	Винж. дистан.	
68. Прапорщик	Давидян Акоп	Шта. бриг.	
69. Подпоручик	Мурадян Мартiros	»	»
70. Шт. капитан	Хорозян Анушеван	Этап. бат.	
71. Подпоручик	Симонян Аришан	»	»
72. Поручик	Гашбарян Маркар	»	»
73. »	Бабаев Иван	3-й полк	
74. »	Георгий Погосян	»	»

Предчека Армении С. Мо...

Секретарь Белов

26

19 — 21 год

1

Зачеркнутому верить: всего семьдесят три человека

Предчека Армении С. Мо...

Секретарь Белов / /

СПИСОК 4-й ПАРТИИ, ПРИБЫВШЕЙ 2-го ФЕВРАЛЯ 1921 г.
ИЗ ЕРЕВАНА

1. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР	Иванов Андрей Афанасьевич
2. Полковник	Медиков Константин Александрович
3. Генерал	Назарбеков Фома Иванович
4. Генерал-лейтенант	Гамазов Константин Михайлович
5. ГЕНЕРАЛ МАЙОР	Хороманский Василий Михайлович
6. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР	Павловский Николай Григорьевич
7. Прапорщик запаса	Пичуренко Павел Павлович
8. Прапорщик	Хохряков Василий Васильевич
9. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР	Баграмов Иван Сергеевич
10. Подполковник	Мелик Шах-Назаров Михаил Осипович
11. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР	Шелковников Григорий Артемьевич
12. Подпоручик	Экобашьян Михаил Яковлевич
13. Прапорщик	Кочарянц Гайк Ованесович
14. Шт. Капитан	Тер-Багдасаров Иван Богданович
15. Подпоручик	Багдасаров Нерсес Николаевич
16. Прапорщик	Бояджанц Андраник Акопович
17. Поручик	Александров Паруйр Сумбатович
18. Прапорщик	Никогосов Гайк Саакович
19. Подпоручик	Мидиянц Рубен Манукович
20. Поручик	Гечеян Карапет Георгиевич
21. Подпоручик	Аревшатов Александр Никитович
22. Полковник	Таманов Сергей Иванович

«ДЕЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОФИЦЕРОВ АРМЯНСКОЙ АРМИИ»

(Государственный архив Рязанской области (ГАРО))

ФР-2817, оп. 1, дела 194, 195, 196, 197, 198

1. Абалян Шаген Апресович штабс-капитан
2. Абалян Абгар Оганесович поручик
3. Аванесов Асатур Арменакович поручик
4. Аванесян Аванес Арамович пропорщик
5. Агаронов Ерванд Никитьевич прапорщик
6. Агаронян Мушек Манукович прапорщик
7. Александров Иван Иосифович штабс-капитан
8. Авагян Даниел Петрович поручик
9. Апресов Баград Иванович поручик
10. Аракелян Семен Айкович штабс-капитан
11. Арутюнов Леон Алексеевич поручик
12. Арутюнянц Михаил Хачатурович подпоручик
13. Арутюнян Левон Аркадьевич подпоручик
14. Аракелян Арам Григорьевич штабс-капитан
15. Арушанян Михаил Хачатурович поручик
16. Аракелян Кегам Амбарцумович подпоручик
17. Атаев Петр Петрович полковник
18. Асланов Грант Павлович капитан
19. Асланян Алексан Акупович штабс-капитан
20. Ахназарян Сергей Сетракович прапорщик
21. Абгаров Петр Сергеевич поручик
22. Амиров Амир Арамович поручик
23. Бабченко Николай Сергеевич капитан
24. Базаев Рубен Аветович генерал-майор
25. Бржизинский Юлиан Францевич генерал-майор
26. Бабалян Согомон Согомонович поручик
27. Бабасинянц Александр Аветович подполковник
28. Бабаджанян Александр Иванович полковник
29. Багдасарян Багдасар Айрапетович прапорщик
30. Багдасарян Нерсес Саакович корнет
31. Балаянц Анушаван Никитович поручик
32. Балаянц Арутюн Степанович корнет

33. Беклор Михаил Тимофеевич поручик
34. Бахчиев Михаил Александрович поручик
35. Беляев Николай Петрович капитан
36. Будагянц Мкртыч Григорьевич поручик
37. Бутусов Владимир Николаевич поручик
38. Бегларян Амазасп Петросович прапорщик
39. Бегунц Амаянк Гарегинович прапорщик
40. Григорян Мнацакан Данелович прапорщик
41. Варжапетянц Арсен Александрович подпоручик
42. Вардапетян Арменак Абгарович штабс-капитан
43. Васильев Иван Иванович генерал-майор
44. Вермишев Авагкум Багратович капитан
45. Векилов Анушаван Сумбатович подпоручик
46. Вердян Петрос Абкарович подпоручик
47. Ванунц Беглар Симонович поручик
48. Геринян Матвей Георгович прапорщик
49. Габриелянц Ашот Васильевич поручик
50. Газарянц Борис Енокович поручик
51. Гозалов Артемий Аветович поручик
52. Гогиянц Гурген Ефремович поручик
53. Геворкян Иосиф Мнацаканович подпоручик
54. Гюрджиян Пайлак Суменович корнет
55. Гукасян Ваган Смбатович поручик
56. Долбанян Гайк Кириллович поручик
57. Дандуров Багдасар Багдасарович подпоручик
58. Данелянц Айрапет Алкарович штабс-капитан
59. Демирчоглян Григорий Морисович штабс-капитан
60. Долгов Иван Иванович штабс-капитан
61. Довлатов Айваз Арутюнович прапорщик
62. Дей-Караханов Вардан Арсенович подпоручик
63. Дугиджиев Иосиф Лукьянович прапорщик
64. Зайцев Василий Петрович капитан
65. Захарбемян Аршак Петрович капитан
66. Захаров Завен Павлович поручик
67. Закурдяев Константин Петрович капитан
68. Залумян Грант Аршакович прапорщик
69. Еруханян Хачик Акопович поручик
70. Егиазаров Степан Агаджанович поручик

71. Ерищян Качин Акупович поручик
72. Епишев Василий Егорович капитан
73. Еркопян Хачик Абгарович прапорщик
74. Ефремов Иван Иванович подпоручик
75. Енгоян Торник Торгомович корнет
76. Иванисов Иван Карпович писарь
77. Иванов Андрей Афанасьевич генерал-майор
78. Иванов Иван Алексеевич подполковник
79. Игнатосян Александр Давыдович поручик
80. Иерусалимский Григорий Иванович штабс-капитан
81. Иванов Иван Карлович поручик
82. Каграманян Вартан Николаевич подпоручик
83. Катарян Сурен Арамович поручик
84. Казарян Гарник Вагаршакович поручик
85. Камбаров Селик Николаевич прапорщик
86. Карагезян Артем Александрович поручик
87. Карагезян Арташес Геворкович прапорщик
88. Кестнер Александр Иванович поручик
89. Киракосян Гурген Аршакович капитан
90. Кочарянц Самвел Сергеевич поручик
91. Кегамов Григорий Михайлович подполковник
92. Кедров Николай Петрович капитан
93. Казарян Сурен Енокович поручик
94. Колиновский Александр Федорович подполковник
95. Караханов Александр Александрович чин. воен. времени
96. Котов Александр Давидович поручик
97. Котоев Алексан Самсонович поручик
98. Корниенко Василий Петрович поручик
99. Козлов Александр Иванович подпоручик
100. Кречетов Александр Матвеевич поручик
101. Киракосян Гурген Аршакович подпоручик
102. Кургинян Гурген Алексеевич поручик
103. Лусинян Вардан Вазгенович подпоручик
104. Лазов Оганес Иванович поручик
105. Мальян Георгий Иванович подпоручик
106. Маркосов Вазген Аршакович поручик
107. Манукян Карапет Аракелович поручик
108. Матюнин Михаил Сергеевич поручик

109. Мартиросян Карапет Авакович прапорщик
110. Мартиросян Вазген Гургенович капитан
111. Матинян Тигран Саркисович поручик
112. Мелвинов Степан Григорьевич прапорщик
113. Меликян Михаил Степанович капитан
114. Минасян Сурен Николаевич поручик
115. Мусиян Гарегин Александрович поручик
116. Мелик-Каракозов Абрам Степанович чин. воен. времени
117. Мелик-Караханов Арам Семенович штабс-капитан
118. Мелик-Шахназаров Рубен Константинович поручик
119. Мелик-Карапетянц Семен Меликович штабс-капитан
120. Мелик-Нубарян Сели Меликсетович капитан
121. Мелик-Степанян Оганес Суренович поручик
122. Макарьян Левон Данелович прапорщик
123. Маркосов Эгише Петросович прапорщик
124. Мовсесян Ашот Ефремович прапорщик
125. Мучаидзе Рубен Георгиевич поручик
126. Мершакчев Яков Янович поручик
127. Мещеряков Марк Тихонович поручик
128. Меликов Константин Александрович полковник
129. Мешков Тимофей Семенович поручик
130. Мириджанян Арам Мкртчичевич подпоручик
131. Мергулян Христофор Абрамович подпоручик
132. Мидиян Рубен Манукович подпоручик
133. Налбандян Тигран Бекович поручик
134. Нарошников Андрей Алексеевич штабс-капитан
135. Навасардян Вазген Рубенович поручик
136. Наринян Сурен Анушаванович подпоручик
137. Никогосов Рубен Михайлович поручик
138. Оганянц Мушег Карапетович прапорщик
139. Оганов Матевос Патваканович прапорщик
140. Оганезов Людвиг Хачикович прапорщик
141. Оганесян Матвей Петрович поручик
142. Огаджанян Рубен Карапетович подпоручик
143. Огаджанян Гурген Абрамович поручик
144. Осипов Сергей Богданович поручик
145. Осипянц Сумбат Григорьевич прапорщик
146. Панарджян Арутюн Николаевич прапорщик

147. Парсаданов Иван Гарегинович прапорщик
148. Погосов Даниел Николаевич поручик
149. Попов Михаил Гаврилович поручик
150. Раздоров Иван Петрович капитан
151. Ростомов Рубен Павлович поручик
152. Рубель-Мелик шах Павел Петрович поручик
153. Рубенян Вазген Погосович прапорщик
154. Саакянц Анушаван Семенович поручик
155. Сааков Леван Мартынович прапорщик
156. Слогинский Константин Францевич штабс-капитан
157. Сагумянц Вагаршак Григорьевич поручик
158. Соколов Леонид Петрович прапорщик
159. Сорокин Сергей Федорович поручик
160. Согратян Седрак Макичевич прапорщик
161. Сагателов Гукас Тарасович капитан
162. Саркисянц Рачия Борисович штабс-капитан
163. Саркисянц Ерванд Осипович корнет
164. Саркисян Ашот Гаспарович врач
165. Саркисян Петрос Амаякович поручик (художник)
166. Саркисов Геворг Овавесович штабс-капитан (композитор)
167. Сарафонов Георгий Георгиевич поручик
168. Смирнов Николай Иванович штабс-капитан
169. Степанянц Степан Аветович полковник
170. Суренян Саркис Акопович капитан (врач)
171. Таманов Сергей Иванович полковник
172. Тамразян Рамзес Александрович прапорщик
173. Тер-Антонов Мкртыч Акупович поручик
174. Тер-Закарян Абрам Арамович поручик
175. Тер-Матеросян Арутюн Андреевич поручик
176. Тер-Нерсесов Анушаван Григорьевич подполковник
177. Тер-Никогосов Гарегин Микоевич поручик
178. Тер-Асатуров Тигран Багдасарович подпоручик
179. Тер-Никогосов Геворг Федорович поручик
180. Тер-Овсепян Иосиф Матвеевич техник механик
181. Тер-Никогосян Ерванд Арамович поручик
182. Тер-Погосов Врам Авагимович штабс-капитан
183. Тер-Захарян Рубен Саркисович капитан
184. Тер-Мартirosян Манас Асатурович прапорщик

185. Тер-Манасян Геворг Абгарович поручик
186. Тер-Меркесян Сергей Григорьевич поручик
187. Ткачев Филипп Иванович поручик
188. Тигранов Яков Сергеевич капитан
189. Троицкай Марк Петрович корнет
190. Тер-Никогосян Гарегин Михайлович поручик
191. Тониев-Тонян Ашот Николаевич штабс-капитан
192. Ужиев Хосров Иванович капитан
193. Улиханов Георгий Давыдович поручик
194. Фаращян Геворг Григорьевич штабс-капитан
195. Харазян Анушаван Кевондович поручик
196. Харченко Василий Иванович подпоручик
197. Хрусталеv Олег Петрович поручик
198. Хачатрян Арам Оганесович капитан
199. Хачатрян Арутюн Арташесович поручик
200. Хачатрян Абгар Ашотович прапорщик
201. Хачатрян Срафион Седракович поручик
202. Хачатрян Сагател Седракович подпоручик
203. Цкаболян Петр Михайлович штабс-капитан
204. Черкезов Сергей Борисович поручик
205. Шергилов Владимир Гергиевич поручик
206. Шахгельдян Амаяк Власович прапорщик
207. Шатворянц Арсен Хоренович поручик
208. Эксузян Арутюн Мартиросович поручик
209. Эксаян Аршак Крикорович прапорщик
210. Ягорянц Гарегин Карапетович прапорщик
211. Явурян Асатур Павлович прапорщик
212. Арамян Арсен Арменакович корнет